

Sweet Magnolia

Моя Милая Гниющая Кукла



*Говорят, что темнота над бездной - это души тех,
кто не смог уехать.*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Sweet Magnolia

Моя Милая Гниющая Кукла

«Автор»

2026

Magnolia S.

Моя Милая Гниющая Кукла / S. Magnolia — «Автор», 2026

Адам Уильямс – молодой кукольник из мучительно умирающего где-то на Юге страны городка под названием Грей-Харбор. Он, как и все люди, боится состариться, боится прожить свою жизнь зря, не сделав ничего значимого. Может быть он страшится увядания тела и смерти, чуть больше остальных. Может быть немного больше других его заботит форма и идея о вечной молодости. А еще он влюбился. Беспamięтно и бесповоротно в девушку из собственных грёз. Когда в подвале заброшенной школы он находит человеческие останки, его мечта обретает плоть. Но чтобы собрать идеал, творцу придётся иметь дело с полицией, таинственным маньяком-некрофилом и собственным отражением, которое с каждым днём всё больше напоминает чужие лица. Это история о том, как любовь к красоте превращается в одержимость. Эта история о том, как один романтичный юноша решил поиграть в Бога. И о том, что из этого вышло. А также еще и о множестве тайн и загадок, который хранит в себе скрытый в тумане городок.

© Magnolia S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Sweet Magnolia

Моя Милая Гниющая Кукла

Глава 1

Грей-Харбор был совсем небольшим городком на самом юге страны. Будучи когда-то процветающим, на момент начала ниже описываемых событий, город переживал свой очередной упадок. Грей-Харбор был основан в начале XX века как лесопилка на берегу одноимённой бухты. Такое название ему дали шотландские переселенцы – в честь густого серого тумана, который стоял над водой девять месяцев в году. Таким образом, к тысяче девятьсот тридцатым годам, город уже стал центром лесной промышленности округа. Здесь работали несколько лесопилок, целлюлозный завод и небольшая верфь. Город быстро рос, прокладывались дощатые тротуары, для рабочих возводились одинаковые домики, для воскресных служб была церковь, для детей – школа, которую построили на холме, чтобы дети могли дышать свежим воздухом возвышаясь над заводскими парами города. В сороковых годах проложили гигантское шоссе, которое словно огромная паучья сеть связывала этот городок с остальными. Появились кинотеатры, кафетерии, мотели и автозаправки. Это событие должно было стать началом многолетней истории здорового мегаполиса. Однако, мечтам не суждено было сбыться. Всё пошло прахом, когда в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году закрылся целлюлозный завод из-за падения спроса на древесину. Пришли новые технологии производства, за которыми производители из Грей-Харбора просто не успели. Лесопилки продержались ещё десять лет, но к концу шестидесятых всем стало ясно – город умирает. В семьдесят первом – закрылась верфь, в семьдесят пятом – последняя лесопилка. Молодёжь повально начала покидать город, перебираясь в города типа Портленда или Сиэтла – более живые, яркие, перспективные. В Грей-Харборе доживать своё остались только старики, и потерянные люди: пьяницы, да неудачники. Были конечно и те, кто просто не захотел покидать родной город. Но всё-таки таких было меньшинство. К тысяче девятьсот семьдесят восьмому году население сократилось с пятидесяти тысяч до отметки в чуть больше двадцати. Но город не опустел. Он скорее сжался. Люди перебрались в нижнюю его часть, что ближе к шоссе. Там была построена новая школа, а также вся остальная недостающая инфраструктура. Верхняя же его часть, со старыми заводами и рабочими домами, превратилась в кладбище кирпича и ржавчины.

Грей-Харбор наших дней – это одна главная улица из похожих друг на друга домиков, есть супермаркет, церковь, несколько простеньких кафе, автозаправка, аккуратные парки, пара баров. Отличается от всех разве что полицейский участок, словно вытолкнутый самим городом куда-то на внешнюю сторону. Он одиноко располагался между пустыми полями, и несколькими рабочими домиками, стоя прямо возле шоссе. Это было совсем небольшое одноэтажное здание из серого кирпича с выцветшей вывеской Police. Внутри него всегда стояла почти мёртвая тишина. Телефон не звонил, радио молчало. И только лишь размеренное похрапывание ответственного сотрудника время от времени напоминало о том, что это здание еще пока не заброшено.

Полиция практически ничего не делала. Штат сотрудников с каждым годом всё более и более сокращали. В Грей-Харборе – городе, утонувшем в тумане, никогда ничего не происходит. Несколько десятков бытовых разборок в год, редкие магазинные кражи – вот и весь список полицейских хроник. Бывает, конечно, что и люди пропадают, но как правило, это просто очередной пьяница решает уйти в загул, не удосужившись предупредить близких. Скука. Полицейские большую часть времени ели пончики, пили кофе (аромат которого казалось можно почувствовать за милю от участка), смотрели старенький телевизор в углу комнаты, да то и

дело ходили обедать в забегаловку “Нэнсис” расположенную неподалёку. Весомая часть штата и вовсе приходила на службу в гражданском. Вышестоящие инспектора хоть и ругались, но с каждым годом делали это всё ленивее и ленивее. Была еще одна забавная деталь. На третьей ступеньке кто-то выцарапал ножом надпись “Купер – мудака”, а этот самый инспектор Купер, увидав это, отнёсся к этому с юмором и попросил не затирать её вовсе.

Раньше бухта Грей-Харбор была глубокой и чистой. В настоящее время она мелеет, вода там мутная и пахнет тухлыми водорослями. Этот запах летом ветер приносит в город – и никто уже не помнит каким он был раньше.

Власти города тоже настроены пассивно по отношению ко всему. Мэр – в прошлом мастер лесопилки, а ныне просто толстый землевладелец, даже не выигрывал выборы, потому что их просто не было. Просто кому-то нужно было принять бразды управления. И желающие нашлись. Такие же безразличные ко всему, и совершенно без инициативные, как и сам Грей-Харбор.

Элм-стрит была когда-то главной торговой улицей Грей-Харбора. В пятидесятых здесь выстраивались очереди в бакалею, а по субботам играл духовой оркестр. Теперь улица напоминала лишь тень себя прежней. Время на ней в определённый момент словно замерло. Нет ни новых заведений, ни бывших шумных очередей. Только сонное шествие небольших людских штабелей, и еще более редкое движение автомобилей.

Кукольная лавка Адама находилась в самом конце, почти что у самого перекрёстка с Ривер-роуд. Это было аккуратное двухэтажное здание из красного кирпича, которое помнило ещё лесопилку. Оно лаконично расположилось между прачечной “Чистый мир” по левую сторону, и вот уже несколько лет пустующим книжным по правую. Прачечная работала со вторника по субботу с десяти до шести. Хозяйка – миссис Бейкер, толстая женщина в возрасте с нисходящей с лица улыбкой. Она с теплотой относилась к Адаму – соседу, кукольнику и коллеге по бизнесу. Частенько, бывало, приглашала его на чай или передавала что-нибудь на обед, всякий раз, когда представлялся случай.

— Ой...какие жуткие у тебя куклы! Каждый раз пугалась старушка, стоило ей только войти в кукольную лавку. – Ты еще и спишь среди кукол... Я бы умерла со страху.

— Ну что вы... Я по-настоящему люблю их. А они меня. У нас это взаимно. Лишь смеётся Адам в ответ.

Магазин Адама занимал чуть больше полусотни квадратных метров. На первом располагалась мастерская и магазин, а на втором была жилая комната, и небольшая кухня – всё самое необходимое для жизни одному человеку. Возле старой скрипучей двери располагалась деревянная вывеска с выцветшей из-за дешёвой краски надписью “Adam’s Dolls”. Дверь Адам специально не стал смазывать, чтобы пока он трудится в мастерской, он не пропустил прихода гостей. А вывеска...точно не ей он привлекал людей к себе. Она была скорее, как простая формальность. На улицу через здоровую панорамную витрину выглядывали куклы – именно они и были рекламой и визитной карточкой его мастерской. Адам всегда выставлял там множество разнообразных кукол, от самых маленьких – в платьях викторианской эпохи и дизайнерских шапочках – они отлично подходят в подарок детям, до целых тематических инсталляций в полный рост. Например, прошлой зимой он сделал инсталляцию “Дети и волк”, и даже попал в местную прессу. На ней, трое детей в вязанных шапках и варежках стояли вокруг фигуры волка. Волк – в половину человеческого роста, с серой шерстью из козьего меха, и стеклянными глазами, которые светились в темноте. Кукольные-дети совсем его не боялись. Одна девочка гладила его по спине. Мальчик – протягивал ему кусок хлеба на ладони. Вторая девочка, стояла чуть подальше от остальных, и держала фонарь. Фонарь был настоящий, он работал на батарейках и горел тусклым жёлтым светом. Стеклянные глаза волка отражали этот свет, от этого и создавался эффект их свечения. Инсталляция привлекла много внимания прохожих и

детей, и вскоре об этом написали в газете. Некоторые жаловались, что это пугает детей, но за всё время Адам ни разу не видел плачущих или напуганных детей рядом. Для него это было искусством, витрина – холстом, а случайные прохожие – зрителями.

В настоящее же время инсталляция уже другая. Осенняя. Адам назвал её “Ожидание”. На этот раз кукольник немного затемнил витрину, чтобы передать холодное настроение. Витрина была стилизована под железнодорожный перрон, который он собрал из обрезков фанеры и настоящих рельсовых костылей, найденных на заброшенной станции. В глубине стояла одинокая женская кукла в старомодном пальто песочного цвета. В левой руке она держала чемодан – потрёпанный, с наклейками отелей, которые уже не работали. Правая рука была приподнята так, будто она прощается с кем-то за окном. Лица куклы не было видно, её скрывала прозрачная вуаль, свисающая со шляпы. В углу витрины стояла рукописная табличка “Жди меня, и я вернусь”. Задумка была в том, чтобы прохожий посмотрел на девушку, и вспомнил ту, которой сейчас с ним нет. Например, бывшую девушку или уехавшую из города дочь. Адам был очень рад тому, что получилось в итоге.

На самом деле витрина менялась очень часто, почти ежемесячно. Адам выставлял много разных кукол, но самые реалистичные из них почти никогда на неё не попадали. Гиперреализм, в котором так любил работать кукольник – слишком пугал детей и прохожих. А поскольку первые так часто любили приходить к нему в лавку просто посмотреть, то зачастую он не выставлял их даже на прилавки. Самые реалистичные оставались в стенах мастерской, где и были рождены.

Наверное, пора бы уже сказать пару слов и о самом кукольнике. Этот человек жил вольную жизнь и занимался любимым делом. Ему было двадцать пять лет – ещё молодой и чувственный юноша. Внешность у него была невзрачная, немного угловатая и даже мрачная. Да, его многие считали мрачным, возможно, это оттенок рода его деятельности, потому что сам Адам всегда был крайне приветлив и внимателен. У него были длинные чёрные волосы, правда, немного тонковаты. Парень обычно собирал их в пучок сзади, и ходил с аккуратным хвостиком, заведомо освободив несколько прядей по бокам лица для объёма и формы. Он был невысокого роста, но сложен довольно неплохо. Большую часть времени он ходил в бежевом фартуке поверх рубашки и брюк, поскольку не часто выходил из своей мастерской. Творец буквально жил там.

Дверь в мастерскую располагалась прямо за прилавком. Никто, кроме Адама не бывал в стенах этой комнаты. Туда не проникал дневной свет, поэтому помещение больше напоминало подвал. Лампы дневного света, свисающие на металлических цепях с балок на потолке, выхватывали из темноты столы, инструменты, банки с красками и тканями. Свободного места было мало. Повсюду или стояли реалистичные куклы, или инструменты и материалы для их изготовления. На стенах вместо популярных тогда плакатов с полуобнажёнными моделями, у Адама висели эскизы кукол, анатомические рисунки и вырезки из модных журналов. Адам знал это место, как свои пять пальцев, и мог бы сориентироваться здесь даже на ощупь. Каждый сантиметр, каждую царапину на столешнице. Здесь же стояла небольшая морозильная камера, а также печь. Пускай и редко, но порой всё-таки приходилось что-то обжигать или наоборот охлаждать. Прямо из мастерской винтовая лестница вела на второй этаж, где Адам и жил. В прочем, второй этаж больше походил на продолжение мастерской, нежели на полноценное жилище. Пространство наверху было не захлавлено, оно было скорее тесно заполнено всем самым необходимым. У стены возле окна стояла громоздкая металлическая кровать, какие были в каждой рабочей семье Грей-Харбора. Матрас был продавлен в середине от старости. Простыни чуть-чуть отдавали желтизной от частых стирок. Адам вовсе не был грязнулей, но иногда мог просто уйти с головой в работу, забывая и про уборку, и даже про гигиену. Окно выходило на Элм-стрит. Стёкла он не протирал, поэтому, когда зажигались уличные фонари, потолок становился похожим на карту звёздного неба. Адам всегда засыпал, глядя

на другую сторону улицы. Там как раз располагалась закусочная, в которой парень числился постоянным гостем. Возле кровати стояла тумбочка, на которой всегда лежала какая-то книга, взятая с громоздкого книжного шкафа, расположившегося неподалёку. Читать Адам любил, и даже очень. От художественных романов, детективов и фантастики, до узконаправленной технической литературы. Кроме создания кукол и чтения больше хобби у него и не было. У противоположной стены стоял письменный стол. За ним он мог работать, если творческий порыв пришёл внезапно, скажем, после яркого сна. Помимо этого, там же он считал и хранил деньги, или писал письма. Кроме массивной пепельницы и канцелярских наборов, на столе стояла рамка с фотографией девушки и аккуратной ручной подписью под наклоном *“Марта”*. У Адама были большие планы на эту девушку. Поэтому она занимала важное место на его столе, и в его сердце.

Просыпаться кукольник мог в совершенно разное время, он был не из тех людей что придерживаются строгого распорядка. Да и работа, признаться, этого не требовала. Кукол обычно заказывали выполнить к определённому сроку, а стоимости одного заказа вполне могло хватить на безбедное проживание. Всё-таки ручная работа, да еще и такого высокого качества – не может стоить дешево. Вторым же, и не менее значимым источником его дохода служила перепродажа материалов. В своих работах, Адам пользуется таким широким спектром всевозможных ресурсов, что каждый житель Грей-Харбора знает где можно приобрести практически любой материал, сколько бы редким он не был. Поэтому, большую часть дня он был свободен. Парень мог позволить себе днями напролёт бродить по спрятанным в тумане улочкам городка, нередко он заходил и в заброшенную часть города в поисках некоторых материалов или даже просто ради вдохновения.

Подавляющее большинство времени он тихо сидел в своей мастерской за изготовлением кукол, или просто фантазируя о чём-то личном, доступном только ему. Такова уж творческая душа неисправимого мечтателя. Яркие, неудержимые, несбыточные грёзы. Но и проветрить голову он тоже любил, а то в этой камерке без окон и свежего воздуха запросто можно задохнуться. В моменты “выгорания”, если в его случае такое слово вообще уместно, Адам поднимался в комнату, брал одну из своих любимых книг и направлялся напрямик в закусочную расположенную прямо через дорогу. Ту самую, на которую он смотрит каждый вечер через окно спальни на втором этаже. “Дорожная Чашка” гласила крупная неоновая вывеска стоящая прямо на крыше заведения. Рядом с ней, подсвеченный силуэт кружки, который постепенно наполняется кофе. Это старое заведение, открытое в те лохматые времена, когда только-только построили шоссе. В наши дни, название уже совсем лишилось своей актуальности, поскольку приходят туда одни и те же лица. Да и ко всему прочему, вывеска светится через раз, а некоторые светодиоды уже с пятак лет как отошли в мир иной. Но исправлять это, разумеется, никто не собирался. Но всё-таки, Адам с большим теплом относился к этому месту и даже лично знал владельца – старика Ларри.

— О! Адам это ты! Добродушно протягивал ему руку крошечный седой старичок, выглядывая из-за громоздкой барной стойки. – Присаживайся. Твоё любимое место похоже свободно. Сейчас принесу тебе кофе. Адам всегда занимал крайнее место возле окна с видом на улицу. Это даже забавно, вечером смотреть на Дорожную Чашку из своей кровати, а уже утром любоваться на собственную мастерскую сидя в кафе. Но Адаму нравилось вовсе не это. Он приходил сюда прочувствовать томную умиротворяющую атмосферу, которой, в прочем, был пронизан и весь Грей-Харбор. Но именно здесь она ощущалась с особой силой и кристальной чистотой, без каких-либо других примесей. Только Адам. Чашка горького чёрного кофе, любимая книга и густой туман за окном, а еще лучше дождь. И в душе само собой появляется ощущение спокойствия. Кукольник серьёзно страдал от тревожного расстройства. И даже если с наружи ничего не происходило, у него в душе в любой момент могла разыгаться настоящая драма. Поэтому парень старался заполнить свою жизнь какими-нибудь эпизодическими

действиями: завтрак в одном и том же кафе, прогулка в установленное время, перечитывание любимых книг... это всё рутинно, привычно, и, быть может, так будет всегда.

В этом же кафе Адам и познакомился с Мартой несколько лет назад. Кажется, это произошло в апреле одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого, если ему ещё не изменяет память. Кукольник сидел на этом же месте, только время суток было другое. Вечер. Небо было залито приятными перламутровыми цветами. Адам тогда случайно испортил куклу, над которой трудился всю последнюю неделю, и ему захотелось провести вечер где-то за стенами своей мастерской. Ему нужно было отвлечься. Он пришёл в четыре часа дня, и вот уже третий час заказывал разные сорта чая и перечитывал «Портрет Дориана Грея». У него было много любимых книг, но эта история была ему особенно дорога. Адам боялся постареть, боялся потерять свою красоту, боялся упущенных возможностей. Парень чувствовал какую-то особенную связь с главным героем книги. Ему тоже хотелось бы получить портрет, который будет телесно разлагаться вместо него. Марта появилась внезапно. Возможно, она сидела в кафе уже давно, а может быть только пришла, Адам не обращал на окружающих ни малейшего внимания пока был погружён в бездонную глубину своих мыслей.

— Я присяду здесь вы не против? Ткнула девушка пальцем в кресло напротив Адама. Это было странно. Все места в кафе пустовали. Людей вообще не было. Только Адам, Марта и сонная официантка, лениво натирающая один стакан уже минут десять.

— Конечно. Почему бы и нет. Ответил парень. — Меня зовут Адам. И он протянул свою тощую руку через стол, когда девушка заняла место напротив и одарил её ласковой улыбкой.

— Марта. Представилась девушка и тут же обхватила его руку своей. Адам почувствовал тепло. Это было приятное чувство. Да и девушка была очень даже ничего. Первое что бросалось в глаза, короткие каштановые волосы, остриженные под гаврош. Короткие волосы к лицу далеко не всем девушкам, но Марте причёска подходила идеально. Адаму сразу вьелся в память этот запоминающийся образ. Она была оторвой. Бойкой, смелой и энергичной. Второе на что парень обратил внимание – ещё одна обворожительная особенность, всё её лицо было усыпано рыжими веснушками. И после этого, всякий раз, когда он смотрел на пыльную «карту звёздного неба» на своём потолке, Адам невольно вспоминал о Марте.

— Что читаете? Поинтересовалась девушка, делая вид, что не замечает обложку.

— «Портрет Дориана Грея» не стал лукавить кукольник. — Роман. Один из любимых.

— Нас ещё в школе заставляли читать. Но мне он как-то не понравился. Скудный он какой-то, динамики совсем нет.

— Как интересно...мне этот роман всегда казался довольно бойким. Какие книги вы предпочитаете? Адам и Марта быстро нашли общий язык и тему для разговора. Всё-таки противоположности притягиваются.

— Мне нравятся книги про Джеймса Бонда! И ещё всякие страшилки вроде «Ребёнка Розмари». Но самая любимая книга – «Я – легенда» Ричарда Мэтисона. Читал? Там парень остаётся один в городе, забитом вампирами. И он там сражается против них. А концовка просто огонь! Продолжала лепетать нежным голоском девушка.

— Ого, довольно внушительный список. Из всего тобой перечисленного я читал только Розмари. Знаешь, я предпочитаю произведения, больше ориентированные на психологию. Но, о вкусах не спорят.

Адам заказал ещё чаю, и попросил вторую кружку для Марты. Как оказалось, они читали намного больше одинаковых книг, чем могло показаться на первый взгляд. Между делом девушка рассказала подробнее почему предпочитает именно такую литературу.

— Да знаешь, Адам. Реальная жизнь – такая серая и скучная, тоска смертная. Сейчас бы ещё читать про то, как главный герой половину романа в зеркало пялится. И это на страницах книги! Где автора ни ограничивают ни законы, ни моральные рамки...потолком служит только фантазия. И если уж на то пошло, то я предпочту историям про бесконечные душевные

страдания что-то яркое, динамичное и интересное. Знаешь, кстати, легенду о Грей-Харборе? Внезапно возбудилась Марта.

— Это ты про легенду о старике Грее и сером саване? Спросил Адам.

— Да нет. Эту сказку разве что годовалые дети не знают. Я говорю про страшилку о заброшенной школе что на холме. Там, поговаривают, в шестидесятых годах учительницу одну зверски убили собственные ученики. А тело расчленили на небольшие куски и закопали где-то на территории школы. После этого в школе начали происходить жуткие инциденты. Ученики умирали один за другим при загадочных обстоятельствах. И поэтому-то школу и прикрыли. Говорят правда, что её не упокоенная душа до сих пор бродит по ночам в стенах школы. А если пойти туда ночью – исчезнешь. Блииин! С досадой вскрикнула девушка, отбросив руки и ноги в стороны. – Обидно. Можно было бы сходить туда посмотреть, да возраст не позволяет.

— А сколько тебе? Совершенно бестактно выпалил Адам.

— Да уже двадцать семь, а всё детство в попе играет. А тебе? Стой! Дай угадаю... ммм... восемнадцать? Где-то в районе этого верно?

— Вообще-то мне двадцать три. Хотя, я всё равно намного младше... вас. Внезапно вспомнил о манерах Адам. И снова промахнулся.

— Мистер Адам, можно и на ты – мы почти ровесники. Не обижайте девушку. Ехидно захихикала Марта, вогнав этим самым парня в краску окончательно.

В таких условиях и произошла их первая встреча, давшая отсчёт их длительным отношениям. Разговор как-то сам собой перетёк в обсуждение работы и личной жизни. Марта была простым работником страховой компании – ничего экстраординарного. А вот девушку работа Адама очень даже заинтересовала.

— Ого! Кукольник. Круто. Не боишься, что куклы однажды оживут и прикончат тебя пока ты спишь? И да... я зайду к тебе в лавку как-нибудь?

— Приходи, конечно. Мы всегда рады гостям. Сострил Адам.

Спевшаяся парочка просидела в кафе до самого закрытия, уставшей официантке чуть ли ни силком пришлось выпроваживать их оттуда. Адам указал пальцем на свою мастерскую, когда они вышли из забегаловки.

— Ну, вот здесь я живу и работаю. Хочешь зайти посмотреть на кукол?

— Пожалуй откажусь. Мне нужно домой. Вежливо отклонила его предложение Марта.

После, Адам проводил её до дома. В любовных делах он хоть и был валенком, но банального здравого смысла лишён не был. Марта жила на Грин-стрит, в нижней части Грей-Харбора. В двадцати минутах ходьбы от кукольной лавки. В той части города, которая ближе к реке. Дома здесь были пониже, зато дворы по свободнее. Эта часть Грей-Харбора походила на деревенскую, или сельскую местность. Дом Марты стоял в середине улицы. Веранда выходила на запад, и по вечерам солнце било прямо в окна, превращая гостиную в оранжевый аквариум.

— Ну что же... спасибо за вечер, Адам. Надеюсь, мы встретимся вновь. Марта запрокинула голову кверху и глубоко вдохнула. Небо в Грей-Харборе было на удивление чистым в ту ночь. Было видно Луну и плеяды звёзд. Адам сделал то же самое. – Знаешь, это так странно...

— Что? Поинтересовался парень.

— Так странно быть молодыми в городе, где живут одни старики.

— Наверное. Ответил Адам, мечтательно устремляя свой взор в глубины космоса. После чего они, обменялись домашними номерами и распрощались.

С момента их первой встречи прошло целых два года. Адам вновь сидел на том же месте в Дорожной Чашке и смотрел на плотную кофейную гущу в своём стакане. Время в городе, казалось, стоит на месте. И в этом заключается главная опасность Грей-Харбора. Запросто можно забыться в этой тягучей медлительной атмосфере. Потеряться в зелёном тумане. И умереть, прожив по-настоящему никчёмную жизнь.

В прошлом месяце Адаму исполнилось двадцать пять. Он до жути боялся этой цифры. Каждый последующий год, начиная с двадцати – болезненно бил по состоянию кукольника. Если бы его спросили какой день в году он считает худшим – он бы не задумываясь ответил: “день рождения”. Это очень контрастировало с вечно жизнерадостной Мартой. Вот для неё возраст и в правду всего лишь цифра в документах. Почти разменяла третий десяток, но по-прежнему продолжает блистать юношеским максимализмом. Эта девушка, слишком яркая личность для мёртвого Грей-Харбора.

— Может ли человек жить совсем без мечты? И чем такая жизнь отличается от бессмысленного существования какой-нибудь собаки? Спрашивал себя Адам. Парню нужно было двигаться дальше. За эти годы его искусство достигло небывалых высот, а название “Adam’s Dolls” известно наверное на весь штат. Отношения с Мартой медленно, но, верно, развивались. Парень и девушка уже бы давно съехались, если бы Адам не был таким бездарным партнёром. Будучи человеком искусства, он начисто лишён чувства такта, так необходимого для построения длительных связей. Парень слишком холоден и пассивен по отношению к своей пассивности. Не будет преувеличением сказать, что Марта почти в одиночку тянула на себе все их злосчастные отношения, пока кукольник неделями пропадал в своей мастерской за очередными проектами и книгами.

Адам осторожно вынул из своей наплечной сумки небольшой блокнот формата А4. За последние годы парень здорово подтянул свои навыки рисования. В этом блокноте он хранил частичку своей души. Это всё – оказалось слишком затянувшейся шуткой. Где-то около года назад, к Адаму во сне пришла дивной красоты девушка. Она не была полноценной сущностью. Просто ослепительно яркий образ, словно божественное благословение или, если уж на то пошло, даже болезнь. Этот образ сам собой появился на подкорке воспалённого сознания Адама, в тот самый момент, когда он нуждался в ней больше всего.

— Ева, когда же ты впервые пришла ко мне? Ева! Блокнот Адама был исписан почти на половину. Он открыл самую первую страницу. Там был силуэт – женский, и тонкий, едва различимый. Лица не было видно. Это был грубый карандашный набросок, выполненный рукой любителя. Девушка, похожая на призрака, стояла в центре какого-то поля. Трава была выше пояса, а небо, стоит только посмотреть на рисунок, представлялось молочным, без солнца и туч. И босая Ева в центре кадра. В летнем белом платье, которое колыхалось даже в безветренную погоду.

Адам перелистывал страницу за страницей. С каждой итерацией, образ девушки становился всё детальнее и детальнее. Кукольник почти никогда не рисовал её целиком. Ограничиваясь только детализированными частями: тонкие женские руки, пойманные в самые разные периоды своего сознательного существования. На одном скетче две маленькие женские кисти, оттенённые простым карандашом, нежно переплетались друг с другом посредством перекрещивания пальцев между собой. Адаму очень нравилось рисовать именно женские руки. Их кукольник считал за самый главный атрибут женственности. Юноши и девушки до определённого возраста полового созревания, склонны выглядеть довольно бесполо и андрогинно. Адам и сам выглядел таким даже в свои двадцать пять. Мягкие черты лица, длинные волосы...его запросто могут спутать с девочкой. И только его грубоватые руки мастера, покрытые мозолями от тяжёлого труда, с надувшимися венами и грубыми волосками, сразу выдавали в нём мужчину. Женские руки всегда тонкие и вытянутые, а мужские – ощутимо крупнее по размеру. Адаму нравилось рисовать их снова и снова. Нежные руки девушки-мечты Евы, которая сжимает его кисти в своей горячей хватке. Эта та безобидная вольность, которую несчастный парень может себе позволить. Хотя бы на страницах альбома, спрятанного от посторонних глаз. Его тайна. Его личная фантазия. Его любимая Ева.

Адам рисовал почти всё свободное от работы время. Девушка снилась ему по ночам и приходила призраком в полусонной дымке. Он пытался вспомнить, вырезать черты её краси-

вого лица на подкорке своего сознания. Но идеальный образ каждый раз ускользал от него с первыми лучами солнца. Парень сотни раз с дюжей дотошностью и вниманием к деталям рисовал её плечи, прорисовывал локоны её серебристых волос, и с десятков различных вариантов причёсок. В мельчайших деталях рисовал на бумаге и части интимной составляющей Евы: её скромный бюст, словно вытесанный из мрамора, её длинные стройные ноги, ширину её бёдер и то, что находится прямо между ними. Он рисовал её в разных позах, в десятках платьев... Кто-то скажет, что видит в этом не здоровую одержимость, но для Адама Ева была любовью всей его жизни. Конечно, он ни на минуту не забывал ни о Марте, ни о кукольной лавке. Просто этого требовала душа художника. Мечта. Его идеальная девушка. Вечно молодая, всегда красивая. До последнего вздоха верная и горячо любящая своего Создателя. В течении дня юный художник мог нарисовать до десятка различных набросков её лица. Подбирая наиболее удачные ракурсы или ища вдохновение в каждой встречной. Но всё это было не то – драгоценный образ снова и снова ускользал от кукольника. В прочем, он никуда и не торопился. Ева будет ждать его столько, сколько потребуется.

Адам закрыл блокнот и убрал его в сумку. Кофе давно остыл. За окном моросил дождь – серый, нескончаемый дождь, который делал Грей-Харбор похожим на акварельный рисунок, смытый водой. Он расплатился, кивнул старику Ларри и вышел на улицу. В воздухе стоял запах мокрых листьев и речной тины. Адам поднял воротник и пошёл в сторону мастерской, мимо прачечной, мимо пустующего книжного. Это был его стандартный маршрут.

Подойдя ближе к своей мастерской, кукольник заметил небольшое скопление людей, что-то бурно обсуждающих возле его витрины. Это были местные дворовые мальчишки, подростки лет пятнадцати от роду. Они не редко шатались без дела, Адам уже видел их раньше. Стая мальчишек окинула юношу заинтересованными взглядами. Самый короткий, и вместе с тем самый непоседливый из них, был одного с Адамом роста. Он вынул сигарету из зубов, выпуская густые клубы дыма.

— Эй, кукольник! А ты правда делаешь кукол из настоящих волос?

— Иногда. Если заказчик попросит. Честно ответил им Адам.

— Жуууть! А из зубов?

— Ещё не приходилось. Пока что. В шутку добавил Адам и ухмыльнулся.

Мальчишки переглянулись. Кажется, парень собирался спросить еще что-то, но передумал.

— Ладно. Бывай.

— Бывайте. Улыбнулся Адам, отпирая плотную деревянную дверь в свою мастерскую. Вообще-то, парень любил детей и подростков. И не обижался, даже на порой грубоватые подколы в свой адрес. Подростки есть подростки. Им нужны острые ощущения. А в Грей-Харборе их почти не осталось. Поэтому с каждым годом всяких жутких слухов и легенд становится только больше. И, конечно, нелюдимый чудаковатый кукольник отлично вписывается в эту атмосферу.

В мастерской его ждали незаконченные куклы, заказ, который нужно было сдать через неделю, и тишина. Адам любил эту тишину, и никогда не понимал, как можно делить своё личное пространство с кем-то посторонним. Он снял пальто, повесил на крючок у двери, надел фартук. На столе лежала кукла – девочка в синем платье, без одной руки. Адам сел за стол, взял инструменты в руки, и уединился в монотонном акте творчества.

Время близилось к обеду. Дождь поутих, а туман немного развеялся. Днём – город выглядит живым, даже и не скажешь с ходу, какая это на самом деле дыра. Спустя несколько часов уединения, кукольник услышал пронзительный гул крепкой деревянной двери – кто-то пришёл. Парень тут же отложил инструменты в сторону, и вытер маслянистые руки о лежащую неподалёку тряпку.

— Иду-иду! Тут же отчитался Адам. Заставлять людей ждать – было совсем не в его духе. Парень отодвинул небольшую ширмочку, служащую своего рода перегородкой из мастерской в здание непосредственно кукольной лавки. – Чем я могу быть полезен? Кукольник посмотрел на гостей. В “Adam’s Dolls” пришло двое человек, с первого взгляда стало понятно, что это мама и дочка. Возле прилавка стояла зрелая женщина, а её маленькая дочурка находилась чуть подальше, возле витрин и любопытно постреливала по сторонам большими зелёными глазками.

— Моей дочери нужна кукла. На день рождения. Но не простая. Она как-то увидела вашу инсталляцию с волком. Теперь хочет, чтобы “как настоящая”.

— А ты не боишься? Посмотрел Адам на девочку. По её матери было видно, как она немного переживает за дочь. Девочка отрицательно покачала головой. Казалось, она стеснялась разговаривать с незнакомцами, но по блеску в глазах была очевидна её не дюжая заинтересованность куклами. Адам улыбнулся.

— Ну, хорошо. Пойдём выберем.

Он провёл их в мастерскую, где стояли самые реалистичные. Девочка ходила между куклами, трогала их за руки, заглядывала в пустые глаза. Её мать нервничала, но ребёнок не боялся. Адам показывал ей разные варианты: куклу в вечернем платье, и в более современном стиле, парень даже показал ей несколько чучел животных, и менее реалистичные, но более милые мягкие игрушки.

— Хочу эту. Маленькая мисс указала пальцем на куклу, чей образ Адам скопировал с популярной на весь мир супермодели Мэрилин Монро. Это была очень хорошая кукла. Для неё парень скупил, кажется, все модные журналы в округе. Кукла Мэрилин, которую он, к слову, назвал так же, в честь своего реального прототипа, была в пышном бордовом платье стиля барокко с позолоченными рюшами. Кукольнику понравилось, как он объединил в этой работе театральную роскошь и драматизм былой эпохи. – Мне кажется, она очень похожа на меня. Довольно сказала маленькая девочка. Это была сушая правда.

— Отличный выбор. Поддержал её Адам. Я доделаю её в течении недели. Приходите в пятницу. От чего-то парень совсем не переживал о безопасности своей куколки. Он был убеждён, что девочка очень бережно позаботится о ней. Интересное наблюдение, которое он подметил – его низкокачественные мягкие игрушки пользуются большим спросом у мальчишек, а девочки преимущественно предпочитают дорогих и красивых кукол. Оно и не удивительно. Мягкую игрушку можно бросать, скидывать с высоты и таскать с собой на улицу – что очень подходит для непоседливых сорванцов.

Адам отпустил женщину и дочурку. Девочка помахала кукольнику на прощание. Мастер тут же принялся за работу. Однако, это были не все события за этот насыщенный день. По иронии, как это обычно и бывает, то месяцами сидишь, не видя ни одной живой души, то вдруг происходит всё везде и сразу. Ближе к вечеру в мастерскую пришел еще один заказчик. Это был статный пожилой мужчина. Он нервно мял в руках головной убор, и, кажется, изо всех сил избегал прямого зрительного контакта.

— Мистер Адам? Почти шёпотом произнёс мужчина. Меня зовут мистер Грегор.

— Слушаю вас. Доверительно сказал парень. Гость помолчал несколько секунд, прежде чем ответить.

— Мне нужна кукла. Женщина. Средних лет. Светлые волосы и голубые глаза... На его лице читалась высшая форма смущения. Он волновался.

— Не переживайте вы так. Видя всё это, успокоил его кукольник. – В этом нет ничего постыдного. У меня такая работа. Есть спрос, есть и предложение. Позвольте, сделаем пару заметок. Адам достал из-под стола записной блокнот.

— Знаете, у меня есть фотография. Мужчина просунул руку во внутренний карман своего пальто, и вынул несколько снимков женщины в разных временных промежутках. – Это

моя жена. Она покинула меня полгода назад. Адам принял у него фотокарточки, и бегло пробежался глазами по каждой.

— Красивая девушка. Отметил парень. – Но мне всё равно нужно задать пару уточняющих вопросов. Для начала, не назовёте мне её имя?

— Да... Конечно... Немного удивился пенсионер. – Анна. Её звали Анна-Мария. Адам пометил это имя в углу тетрадного разворота. Это была стандартная для кукольника процедура. Сейчас он посвятит этот разворот этой девушке, пометив самые необходимые детали.

— Хорошо... На фотографиях она улыбается. А в жизни она чаще улыбалась или была куда серьёзней? Кукла застынет в одном выражении, очень важно выбрать правильное.

— Нуу... Знаете... На несколько мгновений задумался мужчина. – Мы были счастливы в браке. Он отстранённо посмотрел куда-то в сторону на стеллаж позади Адама. – Да. Мы много улыбались. Особенно в молодости...

— Теперь глаза. Оттенок очень зависит от освещения, видите? Адам положил две фотографии рядом друг с другом на стол, и ткнул пальцем по очереди в каждую из них. — На первом фото – они серые, но на втором свет падает иначе, и они отдают зеленоватым оттенком. На какую фотографию мне стоит ориентироваться?

— Вот как... Её глаза были мутноватыми. Точно такого же цвета, как туман в Грей-Харборе. Выберите первую фотографию в качестве референса её глаз.

— Ясно. Давайте теперь немного отойдём от темы её внешности. Какого размера вам нужна кукла? Я предлагаю довольно широкий выбор. Грегор немного задумался, а потом просто принялся разглядывать окружающих его кукол на стеллажах лавки. Изделия и в правду были самых разных размеров, но не меньше пятнадцати сантиметров, и редко выше полуметра.

— Вот такого размера. Сказал Грегор. И после добавил. — Примерно. Указав пальцем на куклу “Дженни”, сидящую в окружении подружек, в фетровой шляпе и вечернем платье.

— Мистер Грегор, еще мне понадобятся параметры её тела. Рост, вес, может быть, какие-нибудь индивидуальные особенности о которых мне стоит знать?

— Да, конечно. Она низенькая была. Очень. Рост – сто пятьдесят пять сантиметров, вес в районе сорока килограмм. Было бы хорошо, если бы вы передали её крошечные габариты.

Адам задавал вопросы об одежде, повадках, материалах и типе куклы, а также немного и о личной жизни этой женщины еще следующие пятнадцать минут. Кукольник никогда не виделся с этой женщиной в живую, поэтому её образ приходилось буквально сшивать по кусочкам из показаний её мужа. Мало было понять только то, кем была Анна-Мария, нужно было узнать какой она была в глазах Грегора. Да. Это даже важнее истинны. Всё-таки её кукла – должна быть фантазией одного человека - заказчика, а не копией оригинала. В конце Адам задал свой последний вопрос, которым он всегда заканчивает такого рода беседы.

— Если бы вы могли запомнить её в одном-единственном мгновении – какое бы вы выбрали? Старик долго молчал. Адам не торопил его. Через некоторое время он наконец выдохнул.

— Она спала. На боку, поджав колени к груди. Возле меня. Волосы разметались по подушке. Макияжа не было. Только мирно посапывающее лицо. Я смотрел на неё, пока она не проснулась. Глаза мужчины сверкнули от слёз. Грегор прикрыл нос и рот массивной ладонью. Сдерживался чтобы не разрыдаться. – Я тогда подумал...как же мне повезло... Всклинул мужчина. – Мне хотелось бы, запечатать этот момент на вечно. Это было чувство какого-то простого бытового счастья.

— Спасибо, мистер Грегор. Жизнеутверждающе взглянул ему в печальные маленькие глаза Адам. – Зайдите ко мне через несколько дней. Посмотрим зарисовки позы и выражения лица, ладно? Так же примерно ориентирую по срокам... и цене... В конце чуть тише добавил кукольник.

— Хорошо. Спасибо, вам, молодой человек. Мужчина тоскливо улыбнулся. А затем развернулся, и удалился почти беззвучным шагом.

Этим же вечером, но уже ближе к ночи. После “закрытия” своей лавки, Адам вышел выбросить мусор. С его работой, мастерская и жилище всегда были на грани полного захламления. Поэтому парень весьма строго контролировал этот момент. Миссис Бейкер уже стояла у своей прачечной, выбивая коврик.

— Добрый вечер, Адам! — крикнула старушка.

— Здравствуйте, миссис Бейкер. Отозвался юноша.

— Как работа? Не перетруждаешься? Выглядишь уставшим.

— Довольно насыщенный день. Такая редкость. А как у вас?

— На жизнь хватает... Рассмеялась пенсионерка. — Кстати, я пирог испекла. Яблочный. Не зайдешь поужинать?

Не редко Адам в творческом порыве напрочь забывал о еде. Он был маленьким и худым, словно хрупкий цветок. В ответ на это, его желудок тут же заурчал. Парню нравились сладости и особенно он любил горячую выпечку.

— Буду очень признателен. Улыбнулся юноша.

Прачечная бабули Бейкер тоже была полностью оборудована для проживания прямо в ней. В Грей-Харборе, наверное, большая часть предпринимателей жили прямо на месте собственного производства. Для маленького городка в этом не было ничего удивительного. Исключение составляли разве что служащие по найму, вроде официантов и продавцов, а также полиция, больница, школы, и прочие места крупного оборота людей.

Адам и старушка обошли здание прачечной и вошли через чёрный ход с обратной стороны. У лавки Адама была такая же. Только у мисси Бейкер дверь выходила на открытую улицу, и вела прямо в её апартаменты. Что-то вроде входа в её жилище. А у кукольника это был просто запасной выход прямо из лавки. И выходил он в очень узкий переулок между его лавкой и заброшенной библиотекой. Им он никогда не пользовался. Он нужен был только для того, чтобы лавка не стала для него огненной могилой в случае пожара, потому что основная дверь находится прямо рядом с мастерской – самым пожароопасным местом в его доме.

Старушка дважды провернула ключ в замочной скважине, и распахнула хлипкую деревянную дверь. Войдя в помещение, парень тут же почувствовал душистый аромат печёных яблок.

— Ты присаживайся пока. Сейчас, подожди, я достану пирог из духового шкафа.

Комната дышала прошлым веком. Стены в тёплых обоях с мелким цветочным рисунком. Тяжёлые светлые полупрозрачные шторы на окнах. На подоконнике – герань в трёх горшках, и старая кружка, в которой миссис Бейкер отмачивала корни, когда пересаживала цветы.

У одной из стен стоял массивный деревянный стол, покрытый клеёнчатой скатертью в клетку. На столе стояла сахарница, расписная вазочка с цветами, салфетница в виде кошечки, и графин с самодельным лимонадом, который Адам не сильно любил из-за чрезмерной сладости. Парень сел на скрипучий стул с высокой спинкой, на своё самое любимое место. Рядом стояла этажерка с книгами: старые детективы, журналы мод за пятьдесят пятый год, Библия в кожаном переплёте. Напротив – телевизор с крошечным экраном, накрытый вязанной салфеткой. На салфетке в рамке стояла фотография молодого мужчины в военной форме. Это был давно покойный муж миссис Бейкер. На стене висели часы с кукушкой. Сейчас они молчали – не подходящее время. Но зато можно было слышать успокаивающее, размеренное тиканье старого механизма.

— Вот. Миссис Бейкер поставила перед ним тарелку с горячим пирогом и чайную пару. – Ешь, пока тёплый. Адам почувствовал нежный сладковатый аромат карамелизированных яблок. Пар, исходящий от тарелки, был очень тёплый. Это была домашняя еда, и она напоминала парню о времени его детства, когда нечто подобное ему готовила родная бабушка.

Это были счастливые воспоминания, но не теперь, когда парень остался совсем один в старой мастерской в Грей-Харборе. Люди уходят, декорации меняются, жизнь продолжается – это страшно. Адам отломил кусочек слоёного пирога металлической вилкой. Яблоки растаяли в печи, превратившись в светло-коричневое повидло с довольно крупными кусочками.

— Ну как тебе? Спросила старушка Бейкер, усевшаяся напротив.

— Ммм... Прелестно, как всегда. Честно похвалил её стряпню кукольник. — Пирог в меру сочный и мягкий – то, что нужно! В забегаловках такого не отведаешь.

— Ой! Спасибо. Ты кушай, кушай. Молодому нужно хорошо питаться, а то одни куклы на уме, а про себя совсем забываешь. Старушка налила травяной чай по кружкам, и придвинула одну к Адаму. – Расскажи лучше, как там с Мартой? Состроила ехидную моську пенсионерка. – Тебе нужно больше времени ей уделять. А то ещё уйдёт от тебя. Жалко будет. Ты же парень хороший. Засмеялась мисс Бейкер. Адам немного смутился, от столь откровенной темы. В прочем, дело это не ново, он был к ней готов.

— Смущаете! Улыбнулся Адам. – Всему своё время. Мы ещё съедемся и заведём семью.

— Жду приглашение на свадьбу! Возбудилась старушка.

— В первых рядах, миссис Бейкер! В первых рядах... подружкой жениха!

— Охо-хо... Засмеялась бабушка.

Они еще посидели около часа, за обсуждением бытовых и рабочих моментов. Миссис Бейкер любила вспомнить свою бурную молодость, и всячески подначивала Адама к каким-то активным действиям и знакомствам. А последний, в свою очередь, был совсем не против послушать о жизни, на которую сам попросту был не способен. Он, всего лишь Адам – художник, мечтатель, скромный парень, увлечённый своей работой.

Парень покинул прачечную, когда на улице уже стояла непроглядная темень. Адам не смог удержаться, и съел больше трёх здоровенных кусков пирога. Вобщем, юноша старался следить за питанием, насколько это возможно. Особо не налегать на сладкое – от него портятся кожа и зубы, появляются кариес и прыщи. Он не переел – потому что не мог допустить, чтобы его живот висел, словно мерзкий одутловатый бубон. Но, изредка, можно себе позволить, всё-таки пироги миссис Бейкер необычайно хороши на вкус.

Юноша поднялся к себе на второй этаж по немного скрипучей лестнице. Недалеко от кровати, стоял довольно громоздкий шкаф, с широким, в полный рост зеркалом. Адам не часто переодевался в ночную рубашку, но в такую спокойную ночь как сегодня – всё-таки решил сделать это. Всё-таки на полный желудок, особо не поработаешь, да и переизбыток социальных контактов слишком утомили кукольника. Не свойственно ему это всё.

Адам встал напротив шкафа, и принялся пристально разглядывать своё отражение. Этот аспект своей жизни юноша никогда не афишировал, но он часами занимался этим в своей комнате время от времени. Это была очень личная, но не менее весомая часть его жизни. В удачные дни, он мог часами любоваться собою во всех отражающих поверхностях, что попадаются ему на глаза. Это был нарциссизм. В самом болезненном его проявлении. Ему нравилась его причёска. Очень милый хвостик, который добавлял нежные феминные черты в юный образ кукольника. Отлично подходит для творца. Парень выставлял губки бантиком, и медленно крутился вокруг своей оси, разглядывая лицо с разных углов и ракурсов. Его тонкие черты лица, визуально делали его почти не отличимым от девушки. Во всяком случае, так казалось самому Адаму. Парень начисто брился почти каждый день. Волосы на теле – сразу же выводили кукольника из себя. Никакой щетины, никаких волос на предплечьях, кистях, пальцах, ляхках, икрах, стопах, — всё это, просто отвратительно! Мерзко! Неопрятно! И гадко.

Его поведение, было похоже на помешательство. Это было сумасшествие, которое он умело скрывал от целого мира, и даже от самого себя. У парня получается не думать об этом в порывах творчества или во время размеренной рутинной жизни. У него получалось забыться, и делать вид, словно он не замечает очевидного. Ты трус – Адам. Беги. Беги. Беги же! От своих

страхов и желаний. Живи своей жалкой жизнью, продолжая тешить себя зыбкой надеждой, что ты тихо умрёшь в своей постели раньше, чем призрачные, не до конца осознанные даже тебе самому желания, не обрушаться на тебя раньше этого. Беги! Жалкий трус! Ведь трусость – сильнейший грех, и ты знаешь это. И расплата за неё, приходит намного раньше, чем человек успевает попасть на суд Божий.

Но сбежать сегодня, у него не вышло. На этом старом чердаке, в одиночестве, в эту самую ночь, Адам встретился с тем, чего боялся больше всего на свете. Приглушенное бледно-жёлтое свечение старой лампы, свисающей с потолка – приятно оттеняли его лицо, скрывая изъяны кожи. Ему ужасно не нравилось своё лицо, поэтому у Марты даже не было ни одной фотографии Адама. Да и ни у кого их не было.

Юноша сначала приблизил своё лицо в плотную к зеркалу, чтобы разглядеть его более детально. Это его расстроило. Ха, будто он ожидал увидеть там что-то другое. Там всё те же сильно выделяющиеся носогубные складки, которые визуальнo делают его лицо припухшим, будто парень часто прикладывает к бутылке. “Бесформенное собачье рыло”, — подумалось Адаму. И стоило ему произнести эту фразу про себя – его лицо изуродовала какая-то обида, от вида и ощущения которой, ему стало горько. Там же, чуть выше, на лбу – была какая-то складка. Морщины? В таком-то возрасте? Адам каждый раз разглаживал её пальцами, в надежде, будто его лицо сделано из такой же мягкой и податливой глины, с которой он лепит своих кукол. Но морщина никуда и не думала уходить.

— Господи! Как же она старит моё лицо! Сокрушался юноша. В такие моменты, его не заботили ни морщины на лице Марты, ни на лицах официанток, которые он видит почти каждый день в своей любимой забегаловке. Нет. Он просто не замечал их. Да что там, он не замечал морщин, даже на старческом лице бабули Бейкер. Только на своём.

Адаму не нравились так же свои тонкие губы, свои небрежно-густые брови, большой нос, пористая кожа, не нравилось выражение и посадка собственных глаз. Они были какие-то через-чур огромные, какие-то несуразно лупоглазые. О! Сколько бы он отдал только за то, чтобы заменить их на другие. Он ненавидел форму своей челюсти, свои желтоватые от природы зубы, ненавидел шелушащуюся за ухом кожу... Он ненавидел всё своё лицо! Но был не в силах перестать смотреть.

Ему нравились только его волосы. Длинные и прямые. Волосы служили ему своеобразным коконом, скрывающим изъяны собственной внешности. Парень снова собрал волосы в пучок, и распустил несколько прядок по бокам. Он покрутился перед зеркалом, внимательно вглядываясь в верхнюю часть своего тела. С такой причёской, Адам был похож на андрогина, с доминирующими феминными чертами – это радовало его. Он сделал губки бантиком, а затем улыбнулся своему отражению. “Если я когда-нибудь облысею – то непременно убью себя”, — мелькнула страшная мысль в голове кукольника.

Вобщем-то, были и части тела, от которых он был без ума. Ему очень нравились его собственные ноги. Он расстегнул подтяжки, и спустил брюки, оставшись в одной только хлопковой рубашке. Его ноги всегда были гладко выбриты, а ногти с дотошной аккуратностью острижены. Юноша окинул себя в зеркало. Из-под подола рубашки, выглядывали его красивые ноги. Узкие щиколотки, округлые икры, женственные бёдра – без резких мышечных узлов, без выделяющейся мужской рельефности. Адам провёл ладонью по внешней стороне бедра, чувствуя прохладную ткань рубашки и тепло кожи под ней. Сейчас, он не чувствовал отвращения. Это было эстетическое удовольствие, сродни тому, какое он испытывал, глядя на свои рисунки, когда линии ложились идеально ровно.

— Чудесно, — прошептал юноша в тишину. Так тихо, словно сам боялся услышать свои слова. После этого он усмехнулся, и с нарочитой грацией, приподнял край рубашки. Ткань скользнула по коже, обнажая живот и бёдра. Он остановился где-то на середине рёбер, не желая поднимать её выше. Адам знал, что то, что он там увидит – ему не понравится. А ему хотелось

смотреть только на прекрасные части своего тела: плоский живот, тонкая талия, стройные ноги, и лицо, выглядящее женственно благодаря причёске.

Немного погодя, он всё-таки сделал это. Адам поднял рубашку выше, перекинул через голову и бросил на стул. Каждый раз голос в голове говорил ему: “Поднимай же. Я уверен, там всё не так плохо”. И каждый раз, этот голос лгал. Теперь парень стоял перед зеркалом полностью обнажённым. Он ненавидел этот вид. Всегда его ненавидел.

Плечи. Слишком широкие. Слишком мощные, как у работяги, как у того парня с лесопилки, которого он видел на старых фотографиях у миссис Бейкер. Кости торчали под кожей грубо, угловато. Линия плеч, совсем не имела той плавности, которой он жаждал. Ломаная, резкая и мужская.

Самое отвратительное – мужская грудная клетка. Она просто анатомически намного более громоздкая, чем у женщин. Юноша глубоко дышал. Рёбра выпирали при каждом вдохе, кожа натягивалась, и Адам видел каждое движение – какое-то механическое, топорное. Словно это тело было собрано на скорую руку неумелым творцом. Юноша слегка повернулся, и окинул взглядом свою спину. Она показалась ему вычурно широкой. С лёгкой горбинкой. Фигура мужчин – прямоугольник. В лучшем случае – перевёрнутый треугольник. Это лишено всякого изящества. Это уродство.

Внутри Адама снова всё свернулось узлом. Это отвращение вывело из равновесия его желудок. Ему стало плохо. Отвращение и слепая ярость – это тоже уродливые чувства. Такие же грубые и сильные, как и его собственное тело. “Я – заложник”, подумал Адам, и нащупал край стула, чтобы не упасть. Кукольник тяжело вздохнул, собираясь с силами, чтобы вновь посмотреть правде в глаза. Окинуть взглядом всё своё тело. Без прикрас. Парень вновь поднял взгляд на большое зеркало. Адам уловил безумие в собственных широко распахнутых глазах.

— Я – жертва и заложник. Парень небрежно провёл ладонями по угловатому контуру своего лица. – Не только телом. Но и душой. Он подошёл к зеркалу почти в плотную, уставившись на своё лицо. Которое, в свою очередь, большей частью ему нравилось. По крайней-мере с такой причёской и при удачных ракурсах. Но эта посадка глаз – тяжёлые нависшие веки, странная морщина на лбу... и чёртовы глубоко вытесанные носогубные складки – полностью убивали его любовь к самому себе.

Адам истерически засмеялся, нервным и слегка пищащим голосом, глядя в своё от природы неполноценное лицо. – Это и правда Я? Кукольник в ужасе смотрел своему отражению в глаза. Ему казалось, что зеркало лжёт ему. Адам чувствовал себя совсем иначе, не так, как ему показывало себя его отражение. Кукольник чувствовал себя мягким и изящным. Настолько хрупкая и утончённая натура – что стоит кому-то неаккуратно подступиться, как Адам тут же распадётся в его руках. Он снова подумал так.

— ЛОЖЬ! Обратился парень к самому себе. Его скривило от жуткой агрессии, будто всё его тело с сердца до пят прожгла раскалённая лучина. Его зубы сжались в страшном оскале, а руки истошно задрожали. Ему захотелось разбить зеркало. Расцарапать своё лицо в кровавое месиво. Адаму захотелось умереть.

Юноша натянул рубашку и отошёл от зеркала на свою кровать. Адам обхватил руками колени, как бы сжимаясь в комочек. Ему хотелось исчезнуть. Чтобы какая-нибудь невидимая всемогущая сила, просто стёрла его с лица Земли. Никакой боли, никаких страданий. Никаких страхов.

Адам чувствовал, что ни только его тело, но и его душа не соответствуют его идеалам. Чувства обжигающей ненависти и гнева – чужды тому человеку, каким он хотел бы себя видеть. Ненависть. Злость. Жестокость. Зависть. Страх. Самоуничтожение. Агрессия. Это всё! Так уродливо!

Кукольник свернулся калачиком в позе эмбриона, и уставился в пейзаж за окном. На улице бушевал ливень. Где-то вдали грохотал гром, а по стеклу, стекали крупные водяные градины. Адам тяжело дышал. Это был очередной нервный срыв.

— Если у меня уродливое тело. И не менее уродливая Душа... То, что вообще остаётся? Только бредовые идеи, и несбыточные мечты? Из чего я состою? Кто я такой? Эти и многие другие вопросы болезненной дымкой крутились в голове Адама. Его тело пробирала эмоциональная дрожь. — Почему я не правильный? Почему я не могу быть счастливым просто так? Я так ненавижу всё это.

Еще некоторое время Адам молча слушал стук дождя по шиферу крыши. Методичная игра капель, и свежий ночной воздух, поступающий в комнату через приоткрытую форточку, обладали каким-то волшебным успокаивающим эффектом.

Подобные приступы не были чем-то редким в жизни болезненного кукольника. Адам работает как проклятый, старается избегать зеркал. Старается не думать и игнорировать свои желания. Это руминация. Страшная патология и неправильное мышление, которое он всеми силами старается избегать. Но это невозможно. Адам был неисправимым нарциссом. Он просто не мог не любоваться теми частями себя, которые ему нравились. Не мог просто избавиться от всех зеркал и отражающих поверхностей в мастерской. Он просто привык время от времени сталкиваться с такими приступами, и относиться к этому не более чем к симптому своего заболевания. Симптому, который нужно просто перетерпеть. От которого можно просто отвлечься, переключившись на что-нибудь другое.

Этим “чем-то другим” для Адама, несомненно, были долгие ночные прогулки. Когда ты выходишь на широкие улицы Грей-Харбора, блуждаешь среди стареньких пыльных улочек, вдыхаешь свежий воздух после дождя, который, в такие моменты разряжает устоявшийся запах тины, когда тебя бьют в лицо потоки ветра... В такой чудесной атмосфере отвлечься от навязчивых мыслей не составляет никакого труда. Юноша гулял бы каждый день, если бы однотипные пейзажи не начинали мозолить глаза. В маленьких городах вроде Грей-Харбора очень уютно, есть какая-то своя атмосфера. Но от одних и тех же видов рано или поздно начинает тошнить.

Кукольник наспех натянул на себя брюки с рубашкой, и чуть ли не бегом спустился по крутой лестнице вниз, на трясущихся ногах выскочил из мастерской в главное помещение кукольной лавки. Он был на взводе, его руки схватил тремор, а живот продолжало неистово скручивать в узел. Парень даже не стал брать с собой пальто, обойдясь лишь тёмно-зелёным дождевиком из толстой брезентовой ткани, да сумкой с альбомом и карандашами (на тот случай, если придёт вдохновение).

Адам вышел из мастерской, плотно приперев за собой дверь. Двинулся с места он не сразу, первым делом, он опёрся спиной о свою же дверь, и запрокинул голову кверху. После приступа ему нужно было отдышаться. Хоть немного. В нос ему ударил ночной воздух — очень сырой, тягучий, с примесью какой-то мокрой древесины, и речным оттенком. Адам глубоко вдохнул, пытаясь заполнить пространство в своих лёгких. Затем выдох, и еще раз вдох. Это была самая простая дыхательная практика, которой его научили еще в детском возрасте. Кажется, стало чуть легче. Затем он прислушался к шуршанию дождевика, обдуваемого ветром, и к капели дождя о его материал. Из-за запрокинутой кверху головы, часть дождевых капель, падала ему прямо на лицо, оставляя после себя, на месте падения, приятный холодок.

Прошло какое-то время, должно быть, не меньше пяти минут, прежде чем парень сдвинулся со своего места через туманную гущу. А туман в эту ночь стоял плотный, почти осязаемый, словно Грей-Харбор — это город, живущий внутри облака. Плотная дымка протекала между домами, окутывала фонари, делая их свет похожим на размытые жёлтые пятна. Адам двинулся вверх по Элм-стрит, в ныне уже заброшенную часть Грей-Харбора.

Сопоставимо с тем, как юноша продвигался всё дальше вверх, дома становились всё реже и всё старше. Деревянные фасады, некогда окрашенные в белый и голубой, теперь облупились до грязно-серой шершавой древесины. Крыши кое где просели, а окна почти везде зияли чёрными провалами – стёкла давно выбили дворовые мальчишки, а может быть, они выпали и сами от неумолимости времени. Адам шёл мимо них, и ему казалось, что каждый пустой дом смотрит на него в ответ. Он видел в этом нечто символически пугающее, и в то же время невероятно романтическое.

— Эти дома, думал Адам, — ни что иное как символ скоротечности и неумолимости времени. Они вызывали в кукольнике точно такое же чувство, какое у него вызывают толпы стариков, доживающих свои дни в этом туманном захолустье. Это похоже на вызов, и одновременно с тем *на демонстрацию*.

Юноша приблизился к полуразбитой раме одного из домов. Адам медленно прислонился худощавой ладонью к гниющей деревянной доске. Плита, которая всего каких-то пятнадцать лет назад, имела красивую окантовку, и своей изысканностью красила оконное стекло, ныне превратилась в дряхлое разложившееся подобие себя прежней. Кукольник только лишь взялся, приложил совсем немного усилий... и уже почувствовал, как вязкая жижа обволокла всю его руку. Запах сырости вот-вот пропитает всю ладонь, а мерзкая древесная каша сейчас забьётся в узенькую щель между ногтями. Адам устремил взгляд сквозь полуразбитое стекло. Большая его часть, была покрыта крупными и глубокими трещинами. Достаточно было просто толкнуть, чтобы сломать и то, что осталось. Он увидел там своё отражение и более ничего. Юноша, смотревший на него из зазеркалья, был каким-то неестественным. Из глубоких трещин – вырисовывались морщины. А тёмно-серый пыльный налёт – отбрасывал на его кожу несколько матовый оттенок, который неумолимо старил его. Окно, словно служило неким порталом в будущее и в прошлое одновременно. Адам смотрел на себя из будущего, постаревшего с виду лет на десять-пятнадцать, и в то же время, там же он видел собирательный образ любого пожилого жителя Грей-Харбора. Юноша открыл рот, и принялся разговаривать сам собой от лица всех этих наваждений.

— Посмотри, Адам! Мы всю жизнь провели в этой захудалой деревеньке.

— Мы здесь родились! – прохрипел юноша скрипучим старческим голосом.

— Нас здесь построили! – почти пропел он басом от лица всех этих разрушенных домов.

— И мы здесь умрём. – медленно, спокойным размеренным тоном вытянул Адам предложение, строя цепочку слово за словом. Юноша видел в каждом старике, и в каждом домике *демонстрацию* того, что всё бесполезно. Заеваешься раз – и вот тебе уже за тридцать. А твои “мечты”, которые ты даже не смог толком сформулировать, остались где-то далеко-далеко позади. Потом ты поддашься потоку, позволишь рутине завладеть тобой, и вот ты уже старый дед. Дряхлая развалюха, разбазарившая свою жизнь понапрасну...

Но неееет... Нет! Они шепчут другую, куда более страшную идею. Жуткая мысль, после полного осознания которой, твоя жизнь неумолимо превратится в Ад.

— Они все мечтали! И каждый делал то, что было в их силах. Адам сам не заметил, как из го глаз хлынули слёзы. Затем очередная вспышка ярости.

— *Бах! Дззынь!* Сначала раздался глухой удар, а затем ему вторил резкий звук бьющегося стекла.

— Почему?! С шипящей злостью выдавил этот вопрос юноша себе под нос, слегка прикусив губу, — Почему люди вообще должны стареть и умирать?! Неужели всё это бессмысленно? Адам сделал несколько шагов назад, оступился о камень, и шлёпнулся на попу. Его наплечная сумка немного закрутилась, и упала ему прямо на колени. Она была слегка приоткрыта, и на торчащий оттуда уголок альбома, с его дождевика капали крупные капли воды. Парень молча смотрел на картину того, как все его заветные мечты утопают в болоте скоротечности жизни.

Страницы пропитываются водой... а Ева... Ева так навсегда и останется лишь очередной неисполненной мечтой. Рой разношерстных мыслей, больше походил на ползание тысячи тараканов, сколопендр и жуков по его телу. От этих мыслей, всё его лицо покрылось кожным салом, и будто загорелось огнём. А руки и ноги чесались как после укуса комара. Адаму хотелось непременно расчесать их в кровь. Юноша слегка приподнял рукав, и взялся за запястье другой рукой, как он и думал, на том месте ничего не было. Сначала он принялся тереть его ладонью, но увидев, что это не помогает, вцепился уже ногтями, оставляя тоненький след, какой оставляют игривые котята, когда пытаешься позабавиться с ними.

— Хватит убегать, Адам. Если ничего не сделаешь – просто сдохнешь. Подбодрил парень сам себя. В этот момент одна фраза вспыхнула яркой вспышкой в его взбаламученном тысячей надоедливых мыслей-мошек сознании. После неё, парень испытал спокойствие, словно находится в самом центре моря посреди шторма. Ему всего-то надо было решиться и дать обещание самому себе. Адам поднял руку, устремив растопыренную ладонь к едва заметному лунному диску, изо всех сил старающемуся пробиться сквозь грозные облака. Он повторил вслух.

— Я просто хочу посмотреть, как высоко я смогу взобраться на пути к своей мечте. Стоило ему это сказать, и твердо поверить своим словам, как перед собой он увидел несчетное количество переливающихся мыслеобразов, словно кто-то запустил быстро сменяющийся коллаж из воспоминаний. Адам увидел, как Ева пришла к нему во сне, такой яркой и отчетливой как сейчас, он видел её разве что в тот роковой день. Юноша, теперь будто со стороны наблюдал за тем, как он сам одиноко сидел часами в забегаловке с чайником кофе и альбомом в руках, стараясь собрать её цельный образ по обрывистым кусочкам. Ева была его музой. Девушкой его мечты. Единственной и неповторимой в своём роде. Она не стареет. Она лишена любой чужеродной идентичности, потому что на все сто процентов являлась плодом его сознания. Адам точно знал её характер. Ева никогда не бросит его. Никогда не оставит одного и всегда укроет раненого юношу от враждебного внешнего мира. Только Адам и Ева – одно целое, против пугающего внешнего мира.

— Я не побоюсь сломаться, сгореть или погибнуть на пути к своей цели. Если это случится – я приму смерть с достоинством ни о чём не жалея.

Но Адам не знал, что ему делать дальше. Он смог сформулировать желание, и изъявил твёрдое намерение его исполнения. Но что дальше?

— Пусть даже я и смогу сделать куклу в точности, повторяющую образ из моих видений. Это всё равно будет всего-навсего пустышка из пластика и фарфора. Но не Ева. Если бы я только...

Из раздумий юношу вытащил внезапно раздавшийся из ниоткуда лай. Адам осторожно поднялся на ноги, отряхнул перепачканный в уличной слякоти дождевик, поправил свою сумку, и оглянулся. Собаки нигде не было. Домой идти ему не хотелось. Там нет Евы, нет бессмертия и нет настоящего чуда. Только мёртвые бездушные куклы.

В конце концов Адам свернул налево, на улицу Торн-поинт. Раньше здесь был торговый ряд. Но теперь всё заброшено. Как и везде в Грей-Харборе. Остались только бетонные плиты, в прошлой жизни бывшие тротуарами, да проржавевшие каркасы вывесок. Одна из них всё ещё качалась на ветру, издавая металлический скрип, похожий на жалобный писк. Он остановился и на секунду прислушался к нему. На самом деле совершенно не важно куда идти. В этом городе счастья для Адама просто нет. Только утешение, которое хуже смерти.

Он двинулся дальше, выше по склону. В ту часть города, которая строилась на холмах. Дышалось там чуть спокойнее, но вместо этого дули неприятные холодные ветра. Сквозь трещины на асфальте пробивались клочки травы, а по всюду были громадные разросшиеся кусты, которые когда-то были чьими-то палисадниками. Дикие и колючие, они захватывали территорию метр за метром. В этой части Грей-Харбора природа потихоньку отвоёвывала у промышленности часть исконно своих территорий.

Северный ветер неприятно обдувал Адаму лицо и руки. Юноша поморщился. Потирая пальцы друг о друга, он спрятал их под широкие рукава дождевика. Адам прошёл мимо здания, где раньше был кинотеатр. Над входом всё ещё висела выцветшая афиша какого-то древнего фильма. Парень отлично помнил этот кинотеатр. Парень...! Ха! В душе Адам всё ещё считал себя маленьким мальчиком. Ничем не отличающимся, в сущности, от того, который каких-то пятнадцать лет назад посещал этот кинотеатр вместе с классом.

Адам почти не смотрел под ноги. Они вели его через разбитый тротуар, мимо заросших дворов, мимо ржавых качелей в детском парке. Теперь качели скрипели на ветру, пустые и равнодушные. Одна из них качнулась, когда Адам проходил мимо, будто кто-то невидимый только что спрыгнул с неё. Он не обратил на это внимания. Ночная улица давно стала для него вторым домом, наполненным многообразием знакомых звуков.

Адам приближался к школе. Она была видна издалека — даже в тумане: массивное здание из серого кирпича, стоящее на самом вершине холма. Три этажа. С самого верха на юношу смотрел флажок, лишившийся своего флага. Ржавый и одинокий, как одно единственное дерево, стоящее посреди голого поля.

Адам остановился у подножия холма и посмотрел вверх. Дорога к школе была крутой, асфальт местами обвалился, обнажая щебень и корни деревьев, которые пробивались снизу. Наверху виднелся силуэт здания — тёмный и массивный, с плоскими крышами, на которые даже стало можно подняться после закрытия школы.

Ветер донёс запах гнилой листвы, земли, сырости. Туман здесь был мягче, чем внизу — он стелился по земле, лишь едва заметной дымкой. Адам сделал шаг вверх. Потом второй. Третий...

К тому моменту как он добрался до входа, ноги его уже успели изрядно устать. Но он наконец-то добрался к месту своего назначения. К месту — разбитой колыбели его воспоминаний, и бесконечному источнику его вдохновения.

Юноша бегом прошёлся взглядом по старому каменному крыльцу. Толстые полы, к которым ведут небольшие ступеньки. Грубые металлические перилла, с уже облезлой краской... Парадная дверь с выбитыми стёклами. Адам встал подле неё, и положил ручку на дверь, пробегаясь пальцами по её пыльным очертаниям. Перед тем как войти, парень обернулся, чтобы ещё раз окрестить взглядом крыльцо. В его памяти оно вновь расцвело и вспыхнуло красками. Время словно отмотали на десяток лет вспять. Тут, с дворовыми детишками он играл в снежки, а здесь, с этого холма, они носились на перегонки, катались на санках, или просто сбегали с уроков... Сколько же чудесных воспоминаний было похоронено здесь под неумолимыми песками времени. Сколько трагедии, и одновременно с этим романтики видел здесь Адам. И пускай сердце обливается кровью от горечи, но пока эта школа ещё стоит — кукольник не перестанет заниматься своим искусством. Ну полно... Он дёрнул на себя ручку двери, металлическая конструкция с небывалым скрипом поддалась, и призрачное здание словно проглотило парня в одно мгновение.

Школьный коридор встретил его тяжёлым и сухим запахом старости, с нотками гнили и отсыревшей штукатурки. Казалось, время в этих стенах не просто остановилось, а буквально разложилось вместе со всем, что было внутри.

Свет просачивался сквозь грязные окна, оставляя на полу длинные бледные прямоугольники. В этом свете словно хлопья снега, кружили серые комки грязной пыли. Адам постоял мгновение, пытаясь привыкнуть к полумраку. Сердце билось ровно, а дыхание было спокойно. Юноша был не редким гостем в этой заброшенной школе. Будучи художником, чувственной натуры человеком, он с ранних лет облюбовал практически все заброшенные места Грей-Харбора. Помимо старой школы, ему нравилось бродить и по уже упомянутому выше заброшенному кинотеатру. А старый заброшенный парк с громадной вышкой — вообще одно из самых

часто посещаемых им мест. Оттуда – Грей-Харбор виден ему как на ладони... по крайней мере так ему казалось в детстве, когда ему приходилось тайком залазить туда вместе с одним непоседой одноклассником. Словом, Адам был завсегдатаем таких специфических мест.

Чуть-чуть привыкнув к новой обстановке, юноша двинулся по коридору в левое крыло. Он искал нечто определённое. “Начальная школа 1-4 классы”, гласила старая табличка, висевшая под потолком. Здесь он когда-то учился. Адам узнал это место, он словно смотрел через волшебную призму сквозь время и пространство. Прямо в прошлое. А вот и тот самый кабинет... “3.1”. Тот самый кабинет, в котором он впервые влюбился, завёл первого друга, где впервые сблизился с кем-то “взрослым”, кто не являлся его семьёй. Классный руководитель – старый добродушный старичок Николай, которого они называли Николасом или Никсоном. Он вспомнил, как в третьем классе его поставили в угол за то, что он рисовал на парте вместо того, чтобы слушать учителя. Ах... как жаль, что он совсем забыл, что же он тогда с таким усердием малевал.

Адам переступил через порог и оказался в родном его сердцу месте. Классная комната была уже много лет как заброшена. Парты стояли в каком-то беспорядке. Нет, они не были перевернуты, не валялись в горе мусора и пивных бутылок. Сюда точно не лазали наркоманы, чтобы уколоться и не спали бичи. К слову, ни первых ни вторых в этой маленькой захолустной дыре не было. Парты просто были небрежно кем-то переставлены, а в самом кабинете висела плотная дымка из пыли. Чтобы это увидеть – фонарик был не нужен. Весь кабинет был хорошо освещён кристально-холодным лунным светом, всё-таки, не без боя, пробивающимся через грязные облака.

Адам медленно перемещался по рядам, оставляя на каждой парте пересекающую полосу от своей ладони. За этой партой – он в начале года сидел рядом с отличницей Катей, и они соревновались друг с другом за оценки. А вот в этой части класса, стояло несколько полок с какой-то древней скучной литературой, и сюда же сдвигали парты во время чаепитий, или других внеклассных мероприятий. Сколько же времени прошло с тех самых пор? Ни что не остаётся прежним.

На одной из парт лежала уже пожелтевшая от старости тетрадка. Адам, глубоко погружённый в вереницу мыслей и ностальгии, неосознанно начал перелистывать страницы. Обычная детская тетрадь, очень аккуратная стоит подметить. У её хозяина был очень красивый почерк для ребёнка, а конспекты были написаны очень грамотно и полно. Кукольник перелистал тетрадь до самой последней страницы – именно там обычно дети рисуют каракули. Адам не прогадал, на последней странице был небрежный чернильный рисунок, исполненный в виде комикса. Заголовок гласил: “Я хочу стать полицейским”. А сам комикс был о том, как молодой юноша в полицейской форме, с пистолетом и отполированной жёлтой именной звёздочкой на груди, ловит банду грабителей, восстанавливает спокойствие, и получает много слов благодарности, и целую коробку любовных писем от девушек. “Интересно, стал ли этот парень полицейским? И нравится ли ему его работа?” – подумал про себя Адам.

— Ах, точно! Когда мы учились в первом классе... Никсон попросил нас написать на листочке два имени: лучшего друга из класса, и второе – одноклассника, который вам больше всех нравится. Также там мы должны были указать и работу мечты. Потом это всё складывалось в кубышку, чтобы по окончании младшей школы Никсон зачитал нам всё это. Но потом, старый дурак, конечно, просто позабыл об этом. Да и дети видимо тоже... Только Адам вспомнил, да и то, только сейчас.

Кукольник пошёл дальше бродяжничать по школе. Остальные кабинеты не вызывали у него особых эмоций. Всё-таки в средней школе здесь он не проучился и года, как весь его класс быстро перевели в школу поновее. Он посетил класс по биологии, в котором, если его память ему не изменяет, когда-то стоял большой аквариум с рыбками. Посмотрел на карты в кабинете географии. Побродил по старым коридорам, и решил сходить в столовую.

Он спустился по лестнице что по правому крылу, и оказался возле массивной двухстворчатой двери. Металлические петли напрочь проржавели, и звонким скрипом поприветствовали ночного гостя. Перед глазами Адама предстала родная широкая комната с высокими потолками. Окна были почти что панорамными и доставали до самого верха. Кукольник прошёл внутрь, направляясь к длинным столам. Шаги от его галош гулко разносились стуком о керамическую плитку полов.

Адам расположился за одним из столов и закрыл глаза предаваясь воспоминаниям. Ему казалось, словно он до сих пор слышит гулкий детский смех, и чувствует аромат постной столовой еды. Чувственному парню нравилась атмосфера знакомых ему зданий, которые превратились в заброшенные руины еще при его жизни. Можно сказать, что Адам был своеобразным Богом смерти – человеком, который видит красивое в естественном разложении и увядании вещей. Смерть – она подлинная, искренняя и необратимая. И пускай Адам до дрожи боялся состариться или лишиться рассудка сам, наблюдение за смертью в отрыве от самого себя – приносило ему некоторое удовольствие. Не извращённое, и не садистское...скорее какое-то эстетическое. Более сходное тому, какое он испытывает, смотря на красивое обнажённое женское тело. У этих двух созерцательных опытов, разительно отличающихся объектами наблюдения – намного больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

В ту роковую ночь Адам решил не идти на крышу. Всё-таки слишком часто он посещает это место. А в атмосфере главное ведь, чтобы она не приедалась. Полезно делать перерывы, хоть иногда. Юноша уже успокоился, и собрался было уже возвращаться в мастерскую. Но идя по широкому холлу, он остановился возле лестницы в раздевалку. Последняя, в свою очередь, была этажом ниже – в подвале. Поэтому стоя возле перилл и смотря вниз, создавалось ощущение, словно заглядываешь в тёмную бездну. Из-за этой темени, хоть глаз выколи, Адам никогда и не спускался туда лишний раз. Магия как будто бы пропадала. А на её место приходил какой-то жуткий хоррор из детских страшилок. Место – напрочь лишённое романтизма... Но в ту ночь, Адама словно сам Чёрт дёрнул залезть именно туда. Юноша вынул из наплечной сумки небольшой фонарик, щёлкнул тумблер, и бледно-жёлтый свет на мгновение ослепил ему глаза. Он принялся медленно спускаться по каменным ступенькам в пугающую темноту подвала. Его будто поглотило бездонно-чёрное море.

На половине пути ему впервые за всю ночную прогулку стало не по себе. В голове сразу всплыл образ женщины из местных легенд, с выколотыми кровоточащими глазами, и ужасной ухмылкой. И, хоть Адам и знал, что вся эта легенда – полная чушь, и что школа была закрыта из-за ненадобности, и естественного переселения людей, вызванного бурной убылью населения, ему всё равно было страшно. Какой-то животный страх словно обретал собственный голос, который шептал ему на ухо: “Не суйся туда”. Но он неумолимо продолжал спускаться. Любопытство убило кошку. Себе свою мотивацию парень объяснял тем, что может быть там он найдёт некоторые материалы для своей мастерской. Но это была ложь. В ту ночь, его туда вёл злой рок, который словно серена из древнегреческой мифологии заманивал юношу в этот злосчастный подвал.

Спустившись в самую низкую точку школы, юноша очутился среди рядов одинаковых стеллажей и шкафчиков. На некоторых бретельках еще висели забытые кем-то куртки, в полумраке создавая пугающий эффект присутствия. Адам боялся испустить лишний звук, и даже резкий поворот головы – был для него сейчас непосильной задачей. Леденящий страх подобно удаву обвязывает всё твоё тело, сковывает руки, ноги... делает петлю на твоей шее, не давая возможности вздохнуть. Юноша чувствовал себя трусливой овечкой, окружённой стадом голодных волков, в каждом углу то и дело мерещились чудовищные скрюченные силуэты.

— Меня здесь убьют!? Подумал про себя юноша, осознавая, как тело покрывается мурашками. – Бежать. Бежать. Бежать! Мне нужно уходить как можно скорее! Адам почув-

ствовал, как подкашиваются его ноги. Он присел на коленки, и сделал несколько глубоких вдохов. В детстве он часто испытывал себя на храбрость и знал, что нужно делать, чтобы вернуть себе самообладание. Дай себе две минуты. Просто глубоко дыши и слушай. Если ничего не произойдёт, если чудовища или маньяк не набросятся на тебя из темноты – страх отступит. Так он и поступил. И всё, что он услышал – только ритмичный стук воды о каменную поверхность, где-то, наверное, протекает. Только это, и своё собственное дыхание. Это помогло юноше вернуть самообладание и контроль над ситуацией.

Ему и раньше приходилось бывать в подобных местах, но почему-то только сегодня на него напал какой-то животный страх. “Это просто смешно. Что-то страшное? В нашем-то городишке, где все знают друг друга лично? Где не водятся ни медведей, ни волков, только жалобно скулящие собачки не способные на насилие?”, — успокаивал себя Адам.

Он не мог пойти домой. Его буквально не отпускал какой-то злой рок. Парень расположился, облокотившись на одну из полочек для обуви, зажег фонарик перед собой, так что перед его ногами оказался яркий световой круг, и принялся думать. Юноша вспомнил, как всего около часа назад лёжа в грязи бросил вызов самой старости. Его субъективная красота против пугающего естественного увядания. Фактически, юноша понимал, что то, что он собирается сделать – это плевок в лицо самой природе жизни. Его желание стоит выше общественных конструкций, выше естества, и даже выше Бога. “Творец решил уподобить себя Богу... не было бы ничего удивительного, если бы этой ночью меня поразила небесная кара”, — смеялся Адам.

Юноша сидел в безмолвном подвале, смотря за игрой теней при перемещении фонарика из стороны в сторону. Его глаза неторопливо бегали туда-сюда по размашистой раздевалке, словно в поисках чего-то. Пустые стеллажи полок, множество покрытых пылью вешалок, набитых друг рядом с другом, старенький пост охраны, обесточенные лампы и выключенные сигнализации, разруха и пыль повсюду. Глаза то и дело цеплялись за эти пережитки прошлого, но лишь на секунду, продолжая своё шествие дальше.

— А? Что это? Адам поднялся с места, и подошёл к одному из дальних углов. – Не помню, чтобы эта комната была здесь раньше. В одиноком уединении, словно спрятанная самой школой, в углу стояла плотная металлическая дверь, окрашенная в зелёный цвет, одинаковый с краской на стенах. Дверь была слегка приоткрыта, она словно манила этим. Как-будто это секрет, о котором никто не должен знать, кроме узкого круга лиц, состоящего из охраны и нескольких учителей. – Может быть это склад или дополнительный класс для занятий труда? Адам потянул на себя дверь, ухватившись за её свободный край, потому что никакой ручки не было, только лишь замочная скважина. – Интересно, где же ключ?

Дверь на удивление легко поддалась, и почти не скрипела. Кукольник сделал несколько шагов вперёд, и оказался в помещении, которое по всей видимости принадлежало учителю труда. По центру, в три ряда были выстроены длинные стальные столы, с встроенными на них верстаками. Столы имели возвышающуюся перед ними стенку, на которой висели множество стареньких инструментов: стамесок, пил и молотков, напильников и несколько рулонов наждачной бумаги. Вдалеке виднелась учительская, по всей видимости совсем маленькая комнатка куда преподаватель мог спрятаться от надоедливых учеников.

Адам решил заглянуть и туда. Он посеменил ногами в нужную сторону. Юноша прошёл мимо первого ряда столов...мимо второго...и дошёл до третьего. Учительская была прямо перед ним. Хлипкая деревянная дверь была слегка приоткрыта, словно приглашая в гости. Но Адам остановился. Периферийным зрением он заметил что-то в коридоре, образованном из второго и третьего ряда столов. Юноша встал к двери спиной, и вернулся обратно. Его привлекло одинокое тёплое свечение маленького огонька, одиноко горевшего между рядами.

Адам приблизился к этому светлячку, сам того не осознавая заперев себя между двумя рядами из тяжёлого металла. То, что он там увидел, заставило его сердце пропустить удар, а

затем забиться с такой силой, что он услышал его в ушах, глухо и настойчиво, как далёкий барабанный бой.

Это был Алтарь.

Точно не в религиозном смысле, но очень старающийся сойти за него. Адам остановился в двух шагах от него и не мог двинуться с места, потому что его тело вдруг стало чужим, тяжёлым, словно кто-то залил в него свинца.

В центре, на бетонном полу, лежал большой кусок чёрной материи – какой-то разложенный полиэтиленовый пакет с немного замявшимися краями. На нём были разложены предметы. Это были части человеческих тел! А вокруг них, словно очерчивая сакральный круг, стояли три свечи, оплывшие и серые, намертво приклеенные к пакету собственным воском. Одна из них всё еще горела! Её пламя было маленьким и жёлтым, почти бессильным. И в его свете – тени на стенах превращались в причудливые извивающиеся фигуры.

На ткани лежали две женские руки, отрубленные по кисть. Адам не мог отвести от них глаз. И подойдя ещё ближе, он присел на корточки, уже в плотную приблизившись к алтарю. Руки были отрезаны аккуратно, словно кто-то сделал это одним концентрированным ударом большого заточенного тесака. Не было ни вываливающегося мяса, ни длинной оторванной кожи, ни крови. Запястья были чисты. А кожа на руках была бледной, почти белой с небольшим синеватым отливом – той холодной красотой, которая бывает только у мёртвых.

Пальцы были сложены в молитвенном жесте. Кисти лежали ладонями друг к другу, словно в безмолвной мольбе. Рядом с руками лежал ещё один предмет, Адам не сразу обратил на него внимания, а когда заметил, не сразу понял, что это такое. Прищурившись, Адам приблизил своё лицо к лежащему на земле предмету, чувствуя, как холодный пот стекает по его спине. Лицо и руки у него онемели, а дыхание стало резким и прерывистым. На земле лежал серебряный кулон на тонкой цепочке, на которой висел маленький крестик. Он был нарочито окровавлен. Кровь уже почернела и запеклась, вьелась в серебро, оставив на нём бурные разводы. А ещё, вокруг ткани были разбросаны розовые лепестки от роз или лилий.

— Что это такое?! Непонимающе прошептал Адам себе под нос. Рядом с руками лежал еще один предмет. Это был нож. Скорее всего не тот, которым были отрезаны руки, этот был мелковат. Скорее всего он был частью ритуала. Лезвие было напрочь проржавевшим, словно его достали из какой-то помойки. Кроме того, оно, по всей видимости, нарочно было вымазано в крови. Виднелись разводы – тёмные засохшие въевшиеся в металл пятна крови. Сама рукоять, была обмотана потрёпанной чёрной изоляцией, которая уже начала отслаиваться по краям.

Адам с ужасом смотрел на всё это, и понимал. Это был не склад. Это убежище настоящего маньяка! Юноша почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Весь затылок нагрелся, будто печка. А сердце на мгновение будто остановилось, а затем с бешеной скоростью принялось закачивать целые галуны крови в маленькую голову Адама. Он впервые почувствовал потерю контроля по-настоящему.

Юноша понял, что не может пошевелиться. Он стоял рядом с алтарём, вдыхая приятный аромат смеси плавленного воска и подсушенных розовых лепестков. Его слух обострился, а зрачки расширились как у кошки, готовой к прыжку.

В пустынной тишине кабинета технологии раздался звон упавшей бутылки. Словно лезвием прошедший по ушам кукольника. Страшное осознание пришло к нему почти сразу.

— Если свеча еще горит, значит её зажгли совсем недавно. Юноша тяжело сглотнул вязкую слюну, которая походила на горькую слизь по консистенции и вкусу.

— Значит маньяк всё-еще может быть в школе! Звук доносился из маленькой комнатки учителя, а сам парень оказался заперт меж двух металлических стеллажей. Адам понял, что он не способен обернуться. Ему казалось, что он уже мёртв. Что таинственный маньяк, уже стоит прямо за его спиной подняв огромный тесак над головой.

Раздался еще один леденящий звук бьющейся посуды. Словно кто-то уронил две чашки чая, которые разбились на множество осколков при падении на бетонный пол. Следом за этим, послышался грубый деревянный лязг, словно некто царапает деревянную поверхность чем-то острым.

— Он играет со мной. Подумал про себя Адам. — Мне не уйти отсюда живым! Услышав это и подтвердив для себя свои же мысли, Адам словно ошалел от ужаса. Дыхание было прерывисто частым, а сердце билось так громко, что заглушало продолжающие доноситься из кабинета звуки. Хрупкий парень оглох и ослеп одновременно. И тут он побежал.

Адам побежал. Юноша внезапно сорвался с места как ошалелый. Разворачиваясь на триста шестьдесят градусов, он пригвоздил взгляд к полу, к своим старым поношенным галошам, не способный осмотреться кругом. Он боялся увидеть маньяка. Случись это, и он уже точно не сможет ступить и шага. Играть в догонялки по старой школе, видя своего противника перед собой — нечто, которое было ему не по силам. Он сорвался и побежал, словно цепляющаяся за жизнь псина. Выброс конской дозы адреналина предал ему скорости, но забрал часть так нужной ему сейчас точности, и холодного расчёта.

В тёмном подвале заброшенной школы раздался небывалой громкости звук. Десятки тяжёлых металлических инструментов с силой ударились о холодный бетон, разлетевшись на пару метров вперёд. Туда же с грохотом полетел и кукольник. В тщетной попытке сбежать от невидимой угрозы, Адам задел ногой ящик с инструментами, перевернул его и упал сам. Раздалась оглушительная симфония из металлического лязга инструментов. Юноша оступился, и едва ли успев сгруппироваться на один бок, ничком свалился на гору инструментов, по инерции, кажется, проскользив по полу ещё несколько метров сверху. Небольшой ручной фонарик отлетел ещё дальше, и укатился куда-то к входной двери. Парень остался совсем без света наедине с чудовищем.

— Я — труп. Подумал про себя Адам, оглушённый собственной ошибкой. Дух словно покинул его тело, но продлилось это лишь мгновение. Рядом с собой парень нащупал увесистый металлический ломик, который тут же смог с небывалой лёгкостью поднять перед собой, словно держит фехтовальную шпагу, а не тяжёлый инструмент. Хоть немного обезопасив себя, он наконец смог развернуться и посмотреть в глаза своему страху. Видимость была просто отвратительная, но отвести взгляд от двери Адам уже не мог. Деревянная дверь в подсобку немного подёргивалась, издавая характерный звук, будто кто-то со всей силы скреб о неё ногтями. Кукольник стоял в центре комнаты в пяти шагах от объекта своего страха, и в стольких же, от выхода. В подвале была крошечная темнота, и только едва заметная умирающая полоска света от алтаря слегка доносилась до длинного узкого прохода.

— Шкряб! Шкряб! Шкряб! Без конца раздавалось из-за злосчастной двери. Фантазия рисовала запуганному юноше страшные картинки... Словно прямо за этой хлипкой деревянной перегородкой стоит сумасшедший психопат, и с дьявольской окровавленной ухмылкой от уха до уха, обнажив свои белоснежные зубы... царапает дверь, только чтобы запугать свою жертву окончательно. Или даже быть может, за этой дверью стоит насильно притащенная сюда жертва в полуживом состоянии, в беспомощности пытающаяся выбраться из смертельной западни. Маньяк в таком случае, должен быть где-то в другом месте, например, уже за спиной несчастного Адама. Кукольник допускал и такую возможность, поэтому приняв положение в пол-оборота, кинул несколько тревожных взглядов себе за спину. Там никого не было, только одиноко лежащий фонарик валялся у самой входной двери. Аккуратно, передвигаясь полубоком, словно речной краб, перепуганный парень направился к источнику света.

Дверь продолжала дребезжать, а юноша, замахнувшись ломиком, словно бейсбольный отбивающий, медленно передвигался к выходу. Дыхание он затаил почти полностью, а пот лился с него ручьём. Все органы чувств обострились до предела, пытаясь уловить любые изменения в окружении. Хилая дребезжащая створка отворилась к моменту, как раз, когда Адам

уже принял положение в полу-присед, чтобы поднять фонарик. Раздался леденящий душу приторный писк открывающейся двери. Адам тут же вскочил, с бешеной силой сжав свой стальной инструмент в руках...из-за двери на четырёх ногах выползла тонкая тень...это был кот?!

Да. Кот. Чумазый и грязный, с облезлой шерстью – явно дикий. Он посмотрела на Адама жёлтыми глазами и протяжно пискляво мяукнул. Парень глубоко выдохнул, и опустил локтик. Котик моргнул, и медленно, с некоторой опаской и грацией шагнул к нему навстречу. У Адама перехватило дыхание.

— Ты издеваешься?! Расхохотался Адам. — Что за нелепица?! Кот приблизился к ногам юноши, и принялся тереться вокруг него. Адам подобрал по-прежнему лежавший на земле фонарик, и осветил своего полуночного преследователя. Он присел на колени, и протянул коту лапу в знак приветствия. Животное приблизилось к грубой руке скульптора свою мордочку, и юноша почувствовал на своей ладони влажность его носа, и тёплое дыхание. — Как ты сюда попал, малыш? Адам приласкал мордочку кота, и несколько раз провёл рукой по направлению шерсти на его спине. В ответ юноша получил приветливое мурчание. Такое успокаивающее и необходимое ему прямо сейчас.

— Мууурррр...Мяу!

— Ну и напугала же ты меня. Чуть сердце не остановилось... Котейка был полностью спокоен, поэтому подходя к учительской в которой тот был заперт, Адам не чувствовал и десятой доли той тревоги что испытывал ранее. Закономерно, там никого не оказалось. Только небольшой стол с довольно обширным беспорядком на нём: пустые бутылки и кружки, а также несколько открытых консервных банок, остатки которых по всей видимости и доедал этот истощавший кот. Было и окно, через которое животинка и попала во внутрь, совсем маленькое и выбитое, расположенное у самого потолка. Прямоугольное и вытянутое в ширину, больше похожее на вентиляцию, пролезть в которое сможет разве что человеческая рука, или какая-нибудь крыса...максимум такой худощавый мелко породистый уличный кот, как тот, что задорно мурлыкал сейчас у ног своего нового хозяина...

Адам нагнулся, и снова приглубил животное. Он приподнял его над собой, держа за подмышки. Лёгкий, почти не весомый. После чего он посмотрел чуть ниже его живота.

— Мальчик значит... Что ж... Адам очень любил и животных, и детей, хоть и стеснялся демонстрировать это своё качество на людях. — Как бы мне тебя назвать...?

— Няяя!!! Ответил, словно улыбнулся ему кот. Адам посмотрел ему в глаза. Он был страшно худым, но мордашка была очаровательно милой, а пластика и походка такими грациозными, что в начале Адам подумал, что перед ним самочка.

— Будешь Никой, раз уж ты такая грациозная! — сказал он, опуская его на землю. — С этого момента ты – Ника! Официально подарил ему имя кукольник, нежно тыкнув пальцем в мокрый розовый носик в форме сердечка.

— Няя...! Радостно ответила кукольнику его новоиспечённая подружка.

Мгновение спустя Адам ещё раз вернулся к алтарю. Сейчас у него уже не было поводов для волнения. После того как опасность миновала, а также когда он убедился, что входную дверь можно герметично закрыть изнутри на плотный засов – ему ничего не мешало посмотреть на работу некрофила поподробнее.

Адам поднял фонарик, и луч света нервно скользнул по стенам, по разбросанным инструментам, по пустым стеллажам и столам — и наконец упёрся в чёрную ткань на полу. Он сделал шаг. Потом второй. Кот — теперь Ника — манерно шла за ним, бесшумно ступая по бетонному полу.

Парень опустил на корточки, и фонарик в его руке перестал дрожать. Сейчас, когда страх ушёл, он мог рассмотреть алтарь по-настоящему.

Три свечи. Две погасли, третья догорала, и её пламя отбрасывало на стены длинные тени, похожие на извивающиеся пальцы. Розовые лепестки — всё-таки лилии, понял Адам, — были разбросаны по чёрной ткани, словно кто-то хотел придать этому месту нежности. Но нежность здесь была только у лепестков. Остальное — было холодной смертью. Тогда он перевёл взгляд на руки.

Они лежали ладонями друг к другу, будто в молитве.

И Адам почувствовал, как в груди что-то сжалось — не от страха, а от первозданного восхищения. Он видел тысячи рук. Руки манекенов, руки кукол, которые он лепил из глины и пластика, руки на старых картинах, что висели в доме его бабушки. Руки Марты, бабули Бейкер, старика и официанток из придорожной забегаловки... С горечью он каждый день смотрел и на свои руки. Но он никогда не видел рук, которые были бы настолько... правильными... настолько идеальными как те, что лежали сейчас на полу.

Луч света скользнул по запястьям — ровный срез, без крови, без рваных краёв. Кто-то сделал это чисто. Профессионально. Почти хирургически. Кожа была бледной, с легким синеватым отливом — той холодной красотой, которая бывает только у мёртвых. На тыльной стороне кисти, чуть ниже костяшек, он заметил родинку. Маленькую, едва заметную. И почему-то именно эта родинка заставила его сердце биться быстрее.

— Господи, — прошептал Адам, не замечая, что не дышит.

Пальцы. Они были сложены вместе, но не скованно, а естественно, словно женщина, которой они принадлежали, просто закрыла глаза и заснула. Кончики пальцев — мягкие, без мозолей, с аккуратно остриженными ногтями, покрытыми бесцветным лаком. Форма ладоней — идеальная равнобедренная трапеция, тонкие вытянутые пальцы. Казалось, это были кисти модели колец, браслетов или маникюрного салона. Идеальные пропорции и безупречный внешний вид.

Адам протянул руку, остановился в сантиметре от кожи, и почувствовал, как его собственные пальцы начинают дрожать. Он не мог прикоснуться. Не потому, что боялся — а потому что это было слишком прекрасно. Слишком идеально для него.

У юноши не было слов. Всех их было бы просто недостаточно, чтобы передать эмоции и желания, которые побудили в нём эти руки. Попытки придать огласку и даже форму своим чувствам — лишь умаляли их значимость, и даже, казалось бы, делали сами руки менее прекрасными. Поэтому Адам молчал, и старался даже не думать. Ему хотелось отдаться акту созерцания, и полностью раствориться в нём.

Он протянул руку ладонью вверх, словно просил подать ему этот дар. Кот ткнул носом в его локоть, но Адам не обратил на это внимания. Он смотрел на руки, и перед глазами у него уже складывалась картина: длинные волосы серебристого цвета, тонкая талия, глаза, которые будут смотреть на него с обожанием. И вот эти руки — они будут обнимать его, будут касаться его лица. Они будут идеальной частью, не менее идеального живого человека.

— Если я сейчас уйду без вас, — сказал он, обращаясь к рукам, как к живым существам, — я никогда себе этого не прощу.

Он поднялся, оглянулся на дверь — на всякий случай. Никого. Только Ника сидела у его ног и смотрела на алтарь с любопытством. Зверь не боялся смерти. Так почему же должен человек?

Адам снова опустился на колени, и на этот раз его пальцы коснулись холодной кожи запястья. Он провёл большим пальцем по срезу — гладкому, почти бархатному на ощупь — и вздрогнул, как от удара током. Внутри него что-то открылось. Словно дверь, которую он держал запертой всю жизнь, распахнулась, и оттуда хлынул свет. Его голос наконец прорезался, и стал тверже.

— И я непременно воплещу желаемое! Переступлю через общество, природу и саму смерть!

Он осторожно взял одну кисть, потом вторую, и поднёс их к лицу. Запах — сладковатый, с ноткой воска и чуть слышным ароматом лилий. Он вдохнул этот запах, как вдыхают парфюм, и улыбнулся.

— Ну привет, Ева, — прошептал он, не замечая, что это имя сорвалось с его губ вслух впервые.

Он завернул руки в ткань, с которой они были сняты, и аккуратно положил их в свою сумку. Ника мякнула, словно спрашивая: «Ты уверен?»

Адам посмотрел на неё, и в его глазах уже не было ни тени страха. Только странное, почти болезненное спокойствие.

— Это только начало, — сказал он. — Она станет совершенством. Я сделаю её такой, что даже Боги позавидуют.

И, подхватив кота на руки, он направился к выходу из подвала.

Адам снова бежал. Бежал по ночным улицам Грей-Харбора под проливным дождём. Начиная с этого момента, и до самого утра – юноша ничего не помнил. Всё произошло так стремительно, будто во сне. Это было начало проекта “Ева”.

Почти весь следующий день кукольная лавка была закрыта. Это не было чем-то удивительным, нередко кукольник возвращался под утро и спал целый день. Такое он мог себе позволить. И это не вызвало бы подозрений...

— Точно. С этого дня я...преступник? Это была первая мысль, пришедшая в голову юноши после пробуждения. Всё это могло сойти за дурной сон, если бы ни чёрная кошка, хлебавшая молоко из миски рядом с кроватью. Впервые к Адаму пришло осознание реальности произошедшего, а вместе с этим страшным знанием, пришла и паранойя.

Руки он переупаковал в плотный вакуумный пакет, и схоронил в большом морозильнике, располагающейся в удалённом уголке его мастерской. После пробуждения парень ещё какое-то непродолжительное время лежал в полном недоумении, пытаясь справиться с шоком и обмозговать всё произошедшее.

— Нет! Я должен убедиться наверняка. Адам подскочил с кровати, и пулей влетел в помещение своего рабочего места. Он по привычке поприветствовал взглядом партии фото-реалистичных кукол, покоящихся в его мастерской, посмотрел на стол с незаконченной куклой, окинул глазами свой инструментарий. Почему-то всё это место стало ощущаться мастеру каким-то чужим. Кукольник не узнал собственной мастерской!

Дрожащей рукой он открыл морозильную камеру. Он не хотел смотреть. Боялся совершенного им выбора. Поэтому одновременно с открытием массивной титановой дверцы, юноша крепко сомкнул веки.

— Господи, только бы всё это оказалось сном...! Все красивые слова некогда им сказанные – оказались просто самообманом. На лице жалко сидящего на коленях напротив морозилки кукольника не осталось и тени былой решительности. Будьте уверены, не было её и в его сердце. Только паранойя и бешенный страх за свою свободу, и крепко сжатые веки. Словно он действительно верил, что пока он лично не убедится в подлинности произошедшей с ним ситуации – злосчастные отрубленные кисти так и останутся висеть в суперпозиции находясь в двух местах одновременно, и вместе с тем, нигде точно.

Когда он всё-таки решился посмотреть, его глаза медленно заскользили по едва освещённым металлическим полочкам и ящикам. Первым делом, будто отводя душу, он пробежался глазами по отдельным полочкам, где точно не могло быть пакета с человеческим мясом. В ближнем к нему отсеке, лежали рядами с десятков маленьких пластиковых пакетов с человеческими волосами разных цветов и оттенков. На другой полке – собранные в кучу лежали уже глаза. Выглядели почти как настоящие, хотя такими, конечно, не являлись, — искусно сделанная реплика, с радужкой, бликами и мелкими прожилками – высший класс. Хранятся в холо-

дильнике, чтобы не потускнели на солнце, и не покрылись микротрещинами. Большая же часть пространства была заполнена различными тюбиками, баночками и скляночками: силикон, смешанный с пигментами, различные краски и лаки, наспиртованные растворы и много чего ещё. Аккуратными рядами друг подле друга лежала животного происхождения кожа. Обработанная и нет, свежая и старая, качественная, и грубо срезанная, и плохо обработанная. Всё это кукольник непосредственно использует в своих сценках, или работах, или же просто тренируется в обработке, пытаясь реставрировать и придать мягкости. Посмотреть и в самом деле было на что. С той полки, что находилась прямо подле его лица, на него смотрело чудовищная человеческая маска. Нет, она не была изуродована, не носила страшной ухмылки, и не изображала обезображенный портрет умирающего человека. Просто от просмотра на это лицо, у Адама возникало стойкое ощущение эффекта зловещей долины, было в нём что-то такое... пугающе неестественное. Кукольник же был неисправимым максималистом, стремился к идеалу, к фарфоровому естеству, к точно воссозданному образу из головы клиента или своей собственной фантазии! «Лучше я сделаю их более мультяшными и минималистичными на продажу и выставку, чем создам нечто такое, что будет пугать детей и меня самого!», — примерно таким был его неказистый девиз.

— А вот и он – этот злосчастный свёрток! Лежит ровно там, где я его оставил! С досадой произнёс юноша, достав из морозильной камеры обжигающе холодный непрозрачный пакет. Неприятное покалывание пальцев, кажется, окончательно сформировали ту мысль, которой кукольник всячески избегал.

— Теперь я преступник! Твёрдо, с отчаянием в голосе и почти что слезами на глазах, обратился Адам к подросшей к нему кошке. – Что? Что мне теперь делать? Грустно прошептал юноша, опустив руку кошке на голову. Но та, ничего не понимая из им сказанного, лишь тарасила на него свои жёлтые глазёнки, и наивно шевелила усиками на мордочке из-за холода его рук. Адам убрал руки обратно, но на этот раз запихав их в самый дальний закуток камеры, а в довершок, набросал сверху шкурок, чтобы уж наверняка. Прижавшись спиной к дверце, парень притянул к себе ноги, обнял колени и припал к ним лицом.

— Много мыслей...слишком много мыслей! Страх юноши очень быстро сменился в крайней степени тревожной раздражительностью. – Сейчас бы сходить в Чашку, и обдумать всё это за стаканчиком кофе...но я не могу отойти от холодильника! – Сумка! Где же моя сумка?! В полголоса прокряхтел кукольник, чуть ли не подавившись слюной. Он подскочил, и точно ужаленный бросился наверх.

Перевернув всю сумку, он разложил на кровати всё, что брал с собой вчерашней ночью. Альбом для рисования, небольшой ручной фонарик, простые карандаши разной твёрдости, какие-то этикетки и лоскутки ткани... Юношу охватил какой-то параноидальный страх “наследить” на месте преступления. Тут же он принялся осматривать свою сумку на предмет того, не перемазана ли она кровью.

— О. Боже, я же упал там, споткнувшись о какие-то инструменты! Что если у меня выпало из кармана что-то, указывающее на кукольную лавку?!

Юноша не успел даже опомниться, а дверь уже позвонила. Кажется, сердце Адама только что захотело выпрыгнуть наружу прямо через его глотку.

Протяжная дверная трель, казавшаяся в тот момент юноши настоящей сиреной, настойчиво продолжалась снова и снова. Казалось, во рту у него разверзлась пустыня, а голова тут же потяжелела на целый пуд.

— Это может быть не только полиция... маньяк самолично может нагрянуть сюда за тем, чтобы вернуть украденное обратно! Начал уже впадать в откровенное безумство парень. На уголках его глаз образовались слёзы, а на спине проступил холодный пот. – Что делать, чёрт?! Скрючившись в три погибели, прошептал юноша. – Окно! Нужно аккуратно посмотреть кого принесло в такой час. Приблизившись к плотно закрытому тёмно-зелёной шторой

окну, юноша слегка подцепил ткань за один из концов, и устоял в маленький треугольничек света – никого не было видно. Никаких полицейских машин с мигалками, да даже гражданских автомобилей не предвиделось.

— Кто-то пришёл один? На засаду это точно не похоже? Не уверен, но кажется, я перерачивал табличку. Посетителей быть не должно...но...да и так настойчиво... Выбора нет – нужно открыть дверь.

Почти на четвереньках, стараясь не издать лишнего шума, Адам отполз от окна, и едва сохраняя равновесие поднялся на ноги. Это было слишком похоже на казнь, юноша почувствовал то же, что чувствует человек, чья голова прижата к твёрдой платформе гильотины. Это было отчаяние малодушного человека, взявшего на себя слишком много, и сломавшегося надвое уже при первых трудностях.

Медленной походкой тяжёлые ноги спускали своего хозяина вниз по ступенькам. Реальность будто плыла у него перед глазами, ещё немного, и кукольник мог бы запросто заблудиться в собственном доме. К моменту, когда юноша стоял напротив входной двери, когда пальцы его рук сжимали дверную щеколду, а полупрозрачная входная дверь – показывала лишь неявный силуэт незваного гостя, — в голове юноши не было ни единой мысли, только пронзительная и визжащая трель дверного звонка занимала полое пространство его черепной коробки, болезненно отражаясь от его стенок.

За дверью стояла девушка. Это была Марта.

— Привет. Давненько не виделись. Вот и зашла тебя проверить. Уж прости за внезапность. Добродушно улыбнулась гостя.

Адам и Марта стояли уставившись друг напротив друга, визуально разделённые дверным проёмом: она – на улице, он – в своей мастерской. Адам видел перед собой женщину воплоти, и это в некотором роде поразило кукольника. Слишком глубоко он был погружён в фантазии о Еве и молодости, о своей исключительности вчера ночью, и слишком много думал о замороженных отрубленных кистях и паранойи сегодняшним утром. Сейчас он видел в ней только угрозу, хотя еще вчера она была его любовью. В прочем...он никогда в это и не верил по-настоящему. Разве это любовь, когда сердце Адама прячет в себе множество “секретов”, поделиться которыми со второй половинкой он попросту не может? Нет. Это не любовь, а лишь только игра, в которой кукольник и актёр, и режиссёр, и зритель. Моноспектакль для самого себя.

Адам не смог найти слов. Во рту пересохло, и нижняя губа с огрубевший от обезвоживания кожей, тёрлась о точно такую же верхнюю. А глаза раскрылись в мимическом жесте удивления. Марте хватило одного пронзительного взгляда, чтобы тут же обратить внимание на эти странности в характере любимого.

— Вау, что с тобой?! Вздвинуто воскликнула девушка. — Ты не заболел? Выглядишь не очень.

— Всё нормально. Я просто не спал последнюю ночь. Попытался неумело отмахнуться юноша. Марта сделала шаг вперёд, для того чтобы обнять его – и юноша отшатнулся назад. Секунда промедления, которую она, конечно, не пропустила мимо глаз. Адам буквально заставил себя натянуть улыбку, и позволить ей обнять его, надеясь, что она не обратит внимание на его лихорадку.

— Прости, я тебя разбудила...?

Стряхнув капли влаги со своей короткой кожаной куртки, и оставив её висеть на петельке у двери, Марта попала в его мастерскую. Она была в узких джинсах, которые тогда только входили в моду, и в какой-то пёстрой кофте с высоким воротом. Её немного отросшие волосы были стянуты резинкой в крошечный хвостик на затылке. На плече у неё висела крупная спортивная сумка. На миг она задержалась у двери, оглядывая мастерскую. Даже от такого естественного действия Адама начинало потряхивать от тревожного возбуждения. Ему захотелось,

чтобы она немедленно покинула это место. Настолько, что всё тело предательски зачесалось от липкого горячего пота.

— У тебя здесь как в склепе. Сказала она с улыбкой. — Света нет, куклы эти... Я, наверное, никогда к ним не привыкну.

— Я тоже не всегда к ним привыкаю, — ответил Адам, заставляя себя улыбнуться. Голос предательски дрожал. Нить разговора была какой-то невнятной, а сам юноша держался отстранённо.

— Ладно. Мне нужно кое-что оставить у тебя на пару дней. Сказала она, снимая сумку с плеча. Родители скоро приедут помочь мне с ремонтом. Оставлю пока у тебя в мастерской?

Марта прошла мимо, небрежно коснувшись его руки, и остановилась возле винтовой лестницы.

— Боже. Ну тут и беспорядок. Отметила девушка, перешагивая через разбросанные по полу материалы и прототипы кукол. — Может помочь тебе прибраться?

Иллюзия контроля. Юноша испытал беспомощность на каком-то физическом уровне восприятия. От ощущения, что его дом — как бы уже и не его вовсе, у него задёргался глаз, а кровь вскипела.

— Стой. Подошёл к ней Адам.

— Что? Обернулась Марта.

— Я... положу вещи наверх. У меня там свободнее. Он уже было потянулся руками к её сумке, как девушка сделала ловкий оборот вокруг оси, и посмотрела на кукольника.

— Давай всё-таки немного приберёмся в этом бедламе? Она посмотрела на морозильную камеру за спиной юноши. — Еду небось хранишь всё там же? На одной полке со всякими лакокрасочными материалами? Не удивительно что бледный такой. Травишься же.

Девушка сделала пару шагов вперёд. Адам тут же напрягся, преграждая ей путь. Какая-то невиданная прежде злость заговорила его голосом про себя: «Она не понимает. Суёт свой нос не в своё дело. Хозяиничает. И, как и все женщины, имеет отличное чутьё на поиск чужих секретов». Юноша готов был уже оттащить её за волосы за пределы своего дома. Сделай только она еще хотя бы шаг.

— Адам, — она остановилась и посмотрела на него. — Ты сегодня какой-то странный. Ты что-то скрываешь?

— Нет. С твёрдостью в голосе ответил юноша.

— Тогда отойди.

Она попыталась обойти его, и юноша, не зная, что делать медленно попятился к холодильной камере, и облокотившись на неё принялся смотреть на Марту бешеными глазами. Если бы она тогда подошла к холодильнику, он бы без задней мысли забил её как собаку. Даже не думая о том, насколько сильно это действие выдало бы его, даже в сравнении с тем, что Марта действительно увидела бы, открыв морозилку.

— Да что с тобой? Она подошла ближе и взяла его ладонь в свои руки. — Ты всегда был... отстранённым. Но сегодня с тобой что-то...

— Отстань! Агрессивно рывкнул на неё парень, высвобождая захваченную руку.

— Ты же знаешь... что мне ты можешь доверить всё что угодно. Мы встречаемся уже два года, и нет тех тем, о которых ты не мог бы мне рассказать. Эта банальная фраза, неосторожно брошенная Мартой, больно полоснула ему прямо по сердцу, и отразилась нахальной улыбкой на его лице.

Адам ненавидел секреты, и совершенно неумело лгал. Его страхи о конечности жизни и разложении тела готовы были выплеснуться одним большим потоком прямо в лицо легкомысленной девушке. Больше всего ему хотелось рассказать о Еве. О проекте, в котором смерть и несовершенство телесной формы будут побеждены раз и навсегда. Правильно. К чему врать,

скрываться и ходить вокруг да около. Если за мои страхи и борьбу мне светит срок – так тому и быть.

— Да ты знаешь о чём я ду...!! Принялся было срываться Адам, как вдруг в комнате выше что-то с грохотом свалилось. А секундой позже раздался кошачий визг, и в мастерскую кубарем с лестницы свалилась Ника. Этим кошка только что спасла Адаму жизнь.

— Что это? Ого! Тут же переключила своё внимание Марта. – Какой милый кот!

Сумка осталась стоять где-то в мастерской кукольника. Про неё и всю конфликтную ситуацию в целом Марта тут же забыла. Втроём они поднялись на кухню на втором этаже, и заварили травяного чая. Адам просто молча сидел, смотря как девушка играет с домашним питомцем.

— Ух ты, Адам! Давно кота завёл? Как зовут?

— Я назвал её Ника. Ответил кукольник.

— Ммм... Ника значит... Недоумевающе пробурчала девушка. – Стой. Но ведь это же мальчик...

— Сокращённое от Николаса. Лишь отмахнулся ей в ответ юноша.

Через полчаса Марту наконец-то удалось выпроводить из мастерской. Адаму нужно было время, чтобы хорошенько обдумать свои последующие действия. Выжатый как лимон, он плюхнулся подле одного из столов неподалёку от холодильника. Заветный свёрток с замороженными кистями он положил прямо перед собой, скрестив пальцы и уперевшись на них подбородком, а также заварив себе чайник с бодрящим кофе, он принялся обмозговывать ситуацию. Его волновали три вопроса, ответив для себя на которые, он и решит, что делать дальше.

— Справится ли Адам – человек добросердечный, и прямо даже мягкотелый с двойной игрой? Под силу ли ему скрывать целую тонну человеческого мяса и свой проект от целого города, включая родных и близких?

— Оправдывает ли конечная цель все затраченные средства? Сможет ли он довести проект до конца? Нужно где-то доставать все необходимые части тел, научиться работать с ними, возможно, даже придумать нечто, что превзойдёт все законы мироздания и конечно, перешагнёт на несколько голов всю ныне доступную медицину. Справится ли он с этим?

— Последний вопрос – затрагивает этическую сторону вопроса. Готов ли он, ради воплощения эгоистичного желания продать душу Дьяволу? Ему **придётся** стать убийцей ради конечной цели или она не осуществиться. Усидеть на двух стульях не получится.

На моменте постановки вопросов, юноша уже для себя всё решил. Вернее сказать, внезапная паническая атака, словно отрезвляющая пощёчина спустили его с небес на его законное место. Кукольник с бешеной отдышкой подскочил над столом держась за немеющее лицо обеими руками.

— Да кто я такой, чтобы противопоставлять себя всему миру?! Обычному человеку это не под силу! Я не могу!! – Решено. Я выкину эти чёртовы руки в реку, а потом просто расскажу полиции о странном подвале школы, ставшим убежищем маньяку. А сам... - на его глазах навернулись слёзы. – А сам продолжу свою тихую жизнь простого рабочего. – Прости меня, Ева! Извините, мои идеалы!

Этой же ночью юноша убрал замороженные кисти в сумку, куда отправились и все зарисовки о Еве – девушки небывалой красоты, с нестареющим вечным телом. Он решил уничтожить всё за раз.

Эта ночь над бухтой была густой и непроглядной, словно дёготь. Туман, наседающий над дорожным шоссе, делал свет фар похожим на мутные глаза, и Адам почти физически ощущал, как его дождевик пропитывается тяжестью сырого воздуха.

Мост находился неподалёку от его района, не прошло и пяти минут, как он добрался до небольшого металлического ограждения, отделяющего дороги Грей-Харбора от ужасающей водяной бездны. Юноша снял наплечную сумку, настраиваясь на прощание с бредовой идеей, которая ни за что не должна была воплотиться в жизнь.

— Вот и конец всей этой одержимости. Я играл слишком долго, и похоже вчера черта была пройдена. Юноше трудно давались эти слова. Они не на шутку попирали его гордость, а точка во всём этом – забирает не только материальные вещи, но идею, которую он неосознанно возвращал в себе последние несколько лет. Адаму не хотелось выпускать сумку из рук. Его пальцы буквально вгрызлись в её покрытие из дорогостоящей кожи. Металлическое ограждение приобрело, казалось, какие-то символические черты. Грей-Харбор – реальный человеческий мир, в котором находился сам Адам, его лавка, Марта и все его обитатели. Человеческие законы, людская мораль и ограничения – были по эту сторону. Тут не было места таким фантазиям как проект Ева. Да. Ты можешь оставить сумку себе, и обречь себя и целый мир на печальный конец. Потому что сама эта идея – была исключительным событием откуда-то из потустороннего мира, пускай и родилась она в голове самого обычного смертного. И это не абстракция, а установленный факт. И вместе с тем – тёмная мёртвая бездна по ту сторону. Это было настоящее кладбище. Всепоглощающее забвение.

— Я не могу отпустить сумку! Попытался пересилить себя Адам. Но Еве нет здесь места. — Меня ждёт Марта, бизнес, и размеренная “счастливая” жизнь! Думал юноша, жадно вдыхая носом ледяной воздух, и ощущая как его слёзы уносят резкие потоки ветра. Честно, в этот момент ему хотелось переброситься через ограждение вместе с сумкой и со всеми своими желаниями, чтобы исчезнуть навсегда. Но он не мог... поэтому Адам просто разжимал пальцы продолжая всхлипывать.

— Да. Это не моя ошибка! Но что мне остаётся?! Только сделать выбор. Невыносимо жестокий выбор. Смирись и довольствуйся малым, или решишь и сдохнешь. Как же это чертовски жестоко! Уже откровенно рыдал юноша, сквозь зубы продолжая ослаблять хватку.

Это была трагедия его маленькой жизни, которой не суждено было закончиться здесь. Всего за мгновение перед тем, как кукольник собирался выбросить набедренную сумку в водную пучину, он услышал щелчок. Словно кто-то эффектно щёлкнул большой и средний пальцы друг об друга. В тот же миг, небо позади юноши внезапно вспыхнуло оранжево-красным свечением. Ослепительная вспышка. И далее звук, похожий на удар кузнечного молота по огромной наковальне разорвал ночную тишину. А затем в этом звуке появился чудовищный металлический подтон, будто по камню тянули ржавый лист железа. Ощущение было такое, словно этой ночью на улицах Грей-Харбора открылись врата Ада. Запах горелого бензина и палёной резины ударил юношу в нос раньше, чем он успел отпустить сумку.

Ужасная трагедия произошла прямо рядом с ним, лишь чудом не затянув его в этот огненный водоворот. Адам повернул голову в сторону свечения и увидел машину всего в паре десятков метрах от себя. Это был огромный цветастый “Плимут” начала семидесятых – она висела на металлическом барьере, перекрученная словно консервная банка. Вторая машина – небольшой пикап, нагруженный каким-то хламом, опрокинутым валялся поперёк дороги, а из её разорванного бензобака на асфальт медленно вытекала чёрная маслянистая лужа, отражающая зарево огня, пожирающего Плимут.

Адам замер. В этом зрелище не было ничего романтического. Только смерть в своей неприкрытой, механической мерзости. Осколки стекла и кровавые разводы, покрывали асфальт, будто изысканная мозаика.

И тут он услышал звук из горящей машины. Мокрый, булькающий хрип, то прерывался, то начинался вновь. Шатающейся поступью юноша направился в сторону этого звука. Он будто звал его прямо из горящей Адской пучины. Голос с того света!

— Адам! Ааааадам! Почти что слышал он голос в своей голове. Осколки стекла дробились под его обувью, а его тощая фигурка была проглочена заревом огня.

Дверь со стороны водителя была сорвана с петель. За рулём никого не было, должно быть водитель ранее вылетел через лобовое стекло. Но вот на пассажирском сиденье, перекрученная и неестественно выгнутая лежала девушка. От неё осталась только верхняя половина. Металл кабины срезал её тело чуть выше талии, и всё что было ниже, превратилось в спрессованную, кровавую кашу, в которую превратился салон.

Адам неуклюже перелез в пассажирский отсек машины, туда, где и лежало тело бедной девицы. Внутри жутко пахло угарным газом с металлическими нотками крови, и какой-то гадкой туалетной водой. Штанины его брюк размокли, и пропитались кровавой кашей. Как и руки кукольника. Он надеялся, что может быть тут есть выжившие... но голова единственной пассажирки машины - её голова полностью отделилась от торса, и буквально была размозжена о металлическое ограждение. Непонятное месиво из кожи, крови и волос стекало по металлической сетке.

И тогда его взгляд упал на её торс. Среди этого Ада из стекла, крови и расплавленного пластика, её тело было почти идеальным. Кожа – белая как мрамор, с едва заметным голубоватым отливом вен, которые проступали сквозь неё. В вырезе её дорогого шёлкового платья, теперь порванного и пропитанного кровью, виднелась тонкая ключица. Нежная и хрупкая. Женщина была невысокой, с тонюсенькой талией, которая казалось была создана для того, чтобы её обнимали, прижимались и восхищались. Она была физическим воплощением той женственности, которой Адам так отчаянно жаждал, которую он снова и снова рисовал в своём альбоме, и которую никак не мог ухватить.

Капли бензина шипя падали на горячий двигатель. Внутри салона раздался резкий хлопок – кажется, взорвалась одна из крышек. Адам вздрогнул. Но сдать назад он уже был не в силах. Он не мог отвести взгляд от тела его мечты. От её красоты и трагического совершенства.

Мир вокруг остановился в безмолвной тишине. Остались только Адам и Ева. Кусочки в его голове сложились, и он более не видел части своего творения по отдельности. Не видел в этих трупах и людей. Это логично. Прежняя жизнь человека обрывается со смертью мозга, на земле остаётся только пустая оболочка. Только запчасти, которые Адам может использовать, не вступая в конфронтацию со своей совестью. В его сумки лежали руки Евы, а в горящем салоне был ни чей-то, а именно её торс. Вот и всё.

Пламя уже целиком охватило приборную панель, когда юноша решился действовать. У нег оставалось всего несколько минут. Адам достал из-за пазухи складной нож. Нужно было действовать точно и незамедлительно. Он перерезал ремень, который перетягивал её тело, прижимая торс к сиденью, и попытался вытащить его. Он потянул её плечи на себя, но это не дало весомых результатов. Торс был продолжением кровавого месива, что раньше было её бёдрами и ногами. Тогда он принялся отделять плоть от костей, чувствуя, как лезвие скользит по суставам, слыша влажный, чавкающий звук. Наконец, раздробленный позвонок хрустнул, и торс упал на юношу. Всё было измазано кровью. Кипящая жидкость вылилась из рваного отверстия на её шее прямо на лицо кукольника. Он закашлялся.

— Чёрт! И как же я должен дотащить эту часть до мастерской? Нет. Так было нельзя. Если он оставит тянущийся кровавый след от места аварии до самого морозильника в своём доме, его запросто поймут. Надо было действовать немедленно.

Металлическая машина была раскалена до предела. Внутри было как в печке, а температура отдельных частей машины была намного выше, чем температура на кончике сигареты.

— Я должен прижечь раны!

Весь измазанный кровью юноша принялся вращать тело по салону, прижимая его то к крыше, то к объётой пламенем боковине авто. Мясо шипело, словно это был стейк на сковороде. Воняло ужасно. Обугленной человеческой плотью. Рук юноша не чувствовал, его ладони

были обожжены так сильно, что обгоревшая кожа намертво сплавлялась с раскалённым металлом, и приходилось буквально отрывать с мясом обожжённые ладони. К моменту, когда кровь остановилась, на его руках уже не было живого места. Но, зато теперь он может забрать идеальное тело своей будущей жены с собой.

Он посмотрел на то, что держал: две большие, налитые кровью груди, тонкая, изящная грудная клетка, и нежные, словно крылья ангела лопатки. Даже сквозь обугленные пальцы он ощущал тепло её тела. Это прикосновение, эта первая встреча с Евой – было самым интимным событием в его жизни до сих пор. Самое время было идти домой.

Держа спасённый от огненной смерти торс в руках, он принялся перелезть через переднее сиденье, но не смог. Его нога зацепилась за какой-то металлический обломок. И тут ему стало страшно. Машина полностью была во власти огня, это был огромный раскалённый до красна шар, который, казалось, не хотел отпускать добычу. Юноша принялся извиваться словно уж, дёргаясь в конвульсиях, он стонал от боли, приносимой ему языками пламени, заполнившими салон.

— Я ни за что не умру здесь! Я не умру! И не попадусь в лапы полиции! Я для себя всё решил! Он принялся дёргаться и вырываться изо всех сил. Пересиливая самого себя. К счастью, казалось, в самый последний момент нога поддалась.

И вот его фигура вынырнула из машины, словно из фильма про мертвецов. Весь в крови и обожжённых лохмотьях, он с болезненными криками выскочил из салона, держа на руках то, ради чего всё это и затевалось. Адреналин затуманил ему мозг, и притупил ощущение боли. Кукольник побежал вперёд с такой скоростью, с которой никогда не бегал.

Мгновение спустя, за его спиной раздался чудовищной силы взрыв. Огненный столб ударил в небо, и на секунду Грей-Харбор окрасился в ярко-красные тона.

Адам бежал в свою мастерскую окрылённый тем, на что он решился, и что только что совершил. Это был первый шаг. Сегодняшней ночью он поставил на одну чашу весов безумную мечту всей жизни, а на другую – собственную жизнь. И выиграл! Обскакал саму смерть, полицию, и пределы человеческих возможностей. Там, во время ночной прогулки, возле заброшенных домиков он объявил войну всему миру. А сегодня – выиграл первое сражение.

Только вернувшись в мастерскую, и надёжно запрятав запчасти в морозилку, Адам почувствовал то, как сильно пострадало его тело в этой ночной вылазке. Тут же юноша принялся приводить своё тело в порядок. Первым делом в печи его мастерской была сожжена вся его одежда. Затем, Адам залез в ванну, где просидел не меньше трёх часов, устроив себе своеобразную “банную ночь”. Он поднялся в комнату, переоделся в свежий комплект одежды, и детально осмотрел себя со всех сторон. Выглядел он непримечательно. Выдать его могли разве что ладони. И для такого параноика как Адам, это действительно было проблемой, требующей незамедлительного решения.

В начале он хотел позвать Марту в гости, а позже обжечь ладони расплавленным пластиком уже при ней. И уже позже, при свидетелях обратиться в больницу. Но подумав, юноша всё-таки пришёл к выводу, что это непоследовательно и рискованно. Про него никто не знает, хотя и не исключено, что его могли увидеть. В прочем, если кто-нибудь и видел, как он тащил торс, завернутый в ткань от места преступления в свою мастерскую – игра уже проиграна, и никакие уловки тут уже не помогут. Иначе говоря, он или уже проиграл эту битву, или всё в порядке, и маскировка израненных рук лишь косвенно относится к делу. Монетка уже подброшена к небу, не зачем поднимать шумиху. Чем меньше посторонних людей будет вовлечено в это дело – тем лучше для кукольника. Поэтому он просто обработал покрытые множественными волдырями пальцы, и наложил плотный бинт от кончиков пальцев до локтей. Длинная роба скроет бинты на запястьях, а руки он спрячет в перчатки – он часто работает в них, и не редко принимает клиентов в таком виде.

К утру, перед самым открытием он ещё раз всё перепроверил. Мастерскую было решено открывать в штатном режиме хотя бы пару дней. Никаких простоев, “Adam’s Dolls” работает в штатном режиме, чтобы каждый житель Грей-Харбора знал – его хозяин ничего не боится. Адам перевернул табличку, приглашающую посетителей взглянуть на его кукол. А сам он заварил себе чайник бодрящего эрл-грея, и уединился в своей мастерской корпеть над одной из заказных кукол.

В городе в то утро было беспокойно. Такие события были неслыханной редкостью для дохлого городишки вроде этого, и с самого утра люди галдели только об этом инциденте. Газетчики тут же нагрянули на место преступления, словно голодные собаки на свежее мясо. Полиция той же ночью оцепила место происшествия, и незамедлительно дала бой прожорливым зевакам.

Четыре утра. Грей-Харбор окутан утренней дымкой, через толстые слои которой пробивалось слабое осеннее солнце. К маленькому домику, расположенному в самом центре улицы Вьюн-Лейн подъехал крошечный серый Фиат. Машина принадлежала негласному шерифу города – старику Куперу. В прочем, стариком его никто не называл, кроме отпрыска хозяина этого самого маленького домика – молодого полицейского Томми. Штатный сотрудник, еще совсем зелёный юнец возраста не старше Адама, совсем недавно с отличием окончивший не какую-то, а лучшую полицейскую академию в штате.

Тяжёлой поступью из машины показалась громадная фигура. Под два метра ростом, крепко сложенный коренастый мужчина средних лет подошёл к металлической двери дома. Его волосы были коротко стрижены, причёска имела форму башмака, будучи острижена под прямым углом. Активно проступающая седина была скрыта под слоем краски для волос, и была видна разве что на его щетине и усах. Мужчина был одет в белую рубашку, галстук и брюки. Синяя полицейская форма с фуражкой круглосуточно была при нём. Этот мужчина – был трудоголиком до мозга костей, ставящим службу превыше всего остального. Можно сказать, что он никогда не выходил из своего образа. Купер не существовал без приставки Шерифа.

Он постучал в дверь. Так громко, что казалось извёстка со стен вот-вот посыпется, а в металле останется вмятина от его могучего кулака. Спустя нескольких минут методичных стуков, дверь отворил маленького росточка пожилой мужчина в очках, явно привыкший к таким ночным визитам.

— Здравствуйте мистер Хоппс. Твёрдо произнёс Купер. – Извините за столь ранний визит, мне срочно нужен Томми. Он ещё в кровати? Ещё сонный на вид мужчина, стоявший в одних семейниках, лишь одарил полицейского радушной улыбкой.

— Дай ему минутку, Купер. А пока может зайдёшь на чашечку чая? Бетси недавно купила изумительный Эрл-грей из чайной лавки с импортным товаром.

— Извините мистер Хоппс, в этот раз дело срочное. Нет времени наводить марафет, пусть выходит в штатском, да поскорее.

Уже через 15 минут Фиат на полном ходу мчался к окраине Бейкер-стрит на оцеплённое полицией города место предполагаемого несчастного случая.

Старик Купер достал из кармана брюк пачку Pall Mall, звякнул металлической зажигалкой, и открыл бардачок на приборной панели, с собственноручно вмонтированной туда пепельницей. Густые клубы серого дыма, такого же плотного, но более едкого чем туман над бухтой заполнили Фиат.

— Томми. Цыкнул он зубами. – Когда ты уже переедешь от родственников и начнёшь относиться к работе серьёзно? Мне уже неловко перед твоими родителями? Представить страшно, как я докучаю этим пожилым людям своими внезапными появлениями...

Дождь за окном машины продолжал слабо накрапывать, мелодично стуча по капоту. Подложив ладонь под голову, юноша следил за дорогой, вдыхая аромат сырости и тины, среди которого он вырос, и который, должно быть, был очень ему дорог.

— Старик... многозначительно хрипнул юноша. — А я вот, наоборот, посоветовал бы тебе познакомиться с какой-нибудь “миеди”, да завести с нею семью... нельзя ведь жить одной только работой! Засмеялся парень. — Вы же уже были женаты. Готов поспорить и не раз?

— Хм... Улыбнулся инспектор. — Ты ещё совсем зелёный, Томми. — Для тебя наша работа — не более чем игра...

Томми Хоппс не ответил, а лишь бросал многозначительные взгляды на крошечные улицы города. Должно быть для совсем юного борца с преступностью, который не видел ничего, кроме пустого Грей-Харбора, в котором “ничего и никогда не происходит”, и полицейской академии, это действительно было так.

Десять минут, и они были на месте происшествия. Купер выскочил из машины, и немедля ни секунды сразу же занырнув в гущу событий.

— Мне нужен отчёт. Отрапортовал мужчина одному из ведущих городских криминалистов города.

“Дорожно-транспортное происшествие произошло этой ночью, в промежутке времени с одиннадцати до часу ночи. Участников инцидента было трое. Все мертвы, и всех уже опознали. Вина произошла из-за того, что водитель Плимута — восемнадцатилетний Бобби Браун, предположительно находившийся в состоянии алкогольного опьянения, разогнался и не справился с управлением, в результате чего выехал на встречную полосу, где и столкнулся с пикапом, за рулём которого был сорокавосемилетний Джереми Пойнтдекстер. От удара — пикап развернуло поперёк дороги, а Плимут, врезавшийся в него на огромной скорости, был отброшен в ближайшее ограждение, где был смят в лепёшку, а спустя какое-то время и вовсе взорвался. Джереми был обнаружен за рулём собственного пикапа. Где в результате открытой черепно-мозговой травмы мужчина скончался на месте. Тело Бобби было обнаружено в пяти метрах вперёд по шоссе от места аварии, вероятно, он был не пристёгнут и движимый инерцией, был выброшен через лобовое стекло. В пассажирской части Плимута обнаружены человеческие останки, принадлежащие предположительно девушке Бобби. Опознать это тело на месте, не представляется возможным по причине специфики аварии. Её тело было перемолото в кашу и уничтожено пожаром. Но мы знаем имя, как только свяжемся с родственниками Бобби или получим извещение о пропаже от кого-нибудь в городе.

Далее о том, на основе чего мы получили предполагаемую версию событий...”

Такой отчёт был передан на руки офицеру полиции и его помощнику сразу после прибытия. Тело Бобби было передано на экспертизу, в его крови уже искали следы алкоголя. А о найденной девушке по имени Джейн Фостер ему будет сообщено уже через пару часов.

— Похоже, у нас тут рядовая автомобильная авария, Куп? Спросил его Томми, ознакомившийся с материалами дела.

— Хм... Вероятнее всего так и есть. Ответил ему шериф полиции, натягивая резиновые перчатки на руки.

— Что вы делаете? Окликнул его Томми, когда тот уже направился в сторону лежащего на дороге пикапа. На мгновение глаза Купера блеснули какой-то дьявольской вспышкой.

— Хочу посмотреть на трупы. Сухо ответили ему инспектор. — Не часто у нас можно такое увидеть.

Подойдя к первому телу, до сих пор находившемуся в водительском салоне пикапа, Купер не просто смотрел, он залез в салон, приблизив своё покрытое возрастной щетиной лицо вплотную к голове погибшего Джереми Пойнтдекстера. В начале, он устроился на соседнем сиденье, и, видимо, пытался визуализировать в голове произошедшую аварию от первого лица.

Как и что делал Джереми в последние минуты своей жизни? О чём он думал, и о чём мечтал? Нет, не настолько глубоко, конечно. Но Купер, пользовался довольно странными методами расследования. Его словно магнитом тянуло туда, где была смерть.

Вот и в этот раз, он с какой-то, несколько, болезненной дотошностью принялся разглядывать рану, расположившуюся у Джереми в верхней части головы. Кровь уже запеклась, образовав по краям какую-то покрытую склизкой жидкостью отдающую желтоватым отливом и неприятным запахом корку. Казалось, что офицер пытается рассмотреть мозг покойного, через дыру в его черепе. Он осмотрел салон и тело, но не найдя никаких примечательных для себя заметок, выполз обратно, и направился в сторону уже известного на весь город Плимута.

Стоит упоминания состояние автомобиля и всей его начинки после произошедшего взрыва. Купер полез внутрь автомобиля, через ту же самую дверь, куда всего несколькими часами ранее лазил кукольник. Едкий запах гари бил в нос с такой силой, что неподготовленному человеку тут же стало бы дурно. И это только в относительно стерильном водительском салоне. Что творилось там, где ранее было месиво из человеческого тела не стоило и говорить. Сумасбродный запах из зажаренного человеческого мяса и расплавленной обивки, при этом в самом салоне стояла какая-то загробная влажность. Купер не боялся. У него не было и малой толики какого-либо отвращения. Только интерес в самой неприкрытой её форме. Не найдя ничего интересного в водительском кресле, и на сгоревшей приборной панели, старик принялся перелезть туда, где была последняя, на тот момент ещё неизвестная жертва чудовищного инцидента.

Стоило ему только перелезть через сидение, рука тут же погрузилось во что-то липкое. Что-то покрытое до этого обугленной плёнкой проломилось под его пальцами, и руки оказались погружены в вонючее месиво из того, что ещё вчера было живым человеком. Купер достал фонарик, и принялся осматривать “труп”, которого просто не было. Казалось, что тело девушки просто в один миг взорвалось по салону, после чего всё что было на поверхности обуглилось, придав жидкости из перемолотых внутренностей и костей вторую жизнь. Это было отвратительное зрелище. Никто, кроме Купера не осмелился копаться во всём этом, учитывая отсутствие всякого состава преступления. Это просто ни к чему, когда налицо очевиднейшая авария с ужасным исходом. Никто, кроме Купера. Да и даже он сам, делал это не из обязанности профессии, или каких-то сыскных предположений. Это была его личная инициатива. Нездоровый интерес, который безусловно оставлял свой отпечаток на том, как его воспринимали коллеги.

Прошерстив весь салон, Купер не нашёл никаких следов, указывающих на Адама. Всё было бесследно уничтожено в Адском пламене пожара. Но что-то никак не давало ему покоя. Тело не было выброшено вперёд, потому что девушка была пристёгнута во время поездки. Часть машины смяло вместе с её нижней частью. Но верхняя должна была сохранить хотя бы некоторую целостность... Ладно мясо, мышцы и сухожилия... должен был остаться как минимум обугленный скелет. Тогда следователь принялся осматривать покрытый гарью навес. Возможно, ему просто показалось, но складывалось впечатление, словно в некоторых местах нагара было больше, чем в остальных. Нашёл он также и позвонок, который казалось должен соединять обугленную желеобразную субстанцию снизу с чем-то еще. С чем-то, чего тут не было.

— Занимательно! Очень интересно... Думал Купер, пытаясь представить себя на месте молодой девушки. Он представил, как он едет вместе со своим пьяным в стельку возлюбленным на одной машине. Как происходит чудовищное столкновение, как машину заносит и со всей силы ударяет об ограждение. Купер представил, как его ноги перемалывает в кашу из крови, костей и механических частей автомобиля. Он вообразил, как от резкого столкновения отделяется его голова. Но что происходит с его туловищем, которое должно было находиться в относительно нетронутой части автомобиля? – Где же? Где же мой торс?! Спрашивал себя следователь.

Не прошло и десяти минут, как офицер вышел из злосчастного Фиата. Вся его одежда и лицо были пропитаны кровью и гарью. Он был похож на живого мертвеца, и в точности напоминал то, как выглядел Адам этой ночью. Все сотрудники в ужасе отступили от него на приличное расстояние, не осмеливаясь подойти ближе. Старик медленной поступью побрёл в сторону своего напарника. Люди продолжали отступать вместе с тем, как он приближался. Они шептались между собой, бросая фразы удивления друг-другу, но не осмеливаясь и слова сказать шерифу в лицо. Он подошёл к Томми, и стянув мокрые перчатки с рук, положил свои пальцы ему на плечо.

— Купер?! Взволнованно отозвался его протеже.

— Собери команду криминалистов. Пусть по косточкам собирают Джейн. Похоже, мы имеем дело с некрофилом! А я съезжу пока переоденусь. С многозначным укором улыбнулся ему Купер, удаляясь в сторону своего авто.

— Кончал бы ты водиться с этим жутким стариком. Сразу после этого сказал Томми его молодой коллега Феликс. — Это не мыслимо. Он же полный псих! Когда-нибудь того и гляди убьёт тебя.

— Помолчи, Феликс. Не придавал его словам значения Томми Хоппс. — Я знаю этого старика со школьных лет. Ему сейчас тяжело, да и методы у него, признаться, странные. Но он не убийца. — А теперь давайте, ребята, слышали, что сказал Купер...

После небольшой словесной перепалки, в которой юноша пытался защитить своего старика от нападков, он направился напрямик в офис писать отчёт.

— А ведь и правда... Прошло уже целых десять лет...

Уже во второй половине дня, ближе к вечеру Купер и Томми встретились в Дорожной Чашке, что на Бейкер-Стрит, прямо напротив "Adam's dolls". Купер заказал себе кофе, а любящий покусать Томми взял целую порцию оладий с кленовым сиропом, которую ему лично принёс старик Ларри – хозяин заведения, который немного взволновался, когда увидел Купера, облачённого в полицейскую форму.

— О, не переживайте. Мы тут как посетители, а не из-за того, что кто-то не платит налоги. В шутильной форме подмигнул ему Томми. Старик засмеялся, хоть и с ноткой небольшой тревожности, после чего поспешно удалился за стойку.

— Слушаю вас, Шериф! Отрапортовал молодой охранитель порядка, комично отдавая честь.

— К пустой голове руку не прикладывают... Сострил в ответ Купер.

— Я позвал тебя сюда, чтобы обсудить детали дела. Он подозвал юнца рукой, и приблизился к нему в плотную. — Нашли что-нибудь?

— Ищем, Купер. Ищем. Но... вы правда в это верите? Хотите сказать, что неизвестный увидел случайную аварию, после чего залез в горящую машину, стянул полу-обугленный торс, и не оставив следов скрылся, удачно выбравшись за секунду до взрыва? — Должно же быть что-то ещё? С тела должна была сочиться кровь? Да и что он будет делать с этой частью девушки? Не слишком ли... много простых совпадений, Куп? Не иначе как мы имеем дело с потусторонними явлениями? Продолжал причитать Томми. — Если в реальности и бывают похожие случаи, где происходит какое-то случайное стечение обстоятельств, то преступника тут же ловят. Это ведь не спланированное похищение тела...

— Помолчи наконец, Томми. Да. Мы имеем дело с потусторонней силой. Которая управляет событиями в мире, только чтобы вставить нам палки в колёса! Или же, некрофил и правда проник в машину, отделил части тела Джейн от её ног, прижёл открытые раны о крышу раскалённого автомобиля, обмотал её торс какой-нибудь тряпкой, и скрылся с места аварии. Потом машина взрывается. И Пуф! Сделал жест рукой Купер, словно подкинув горстку волшебной пылицы в небо. — Идеальное преступление.

Томми чуть не подавился блином, изумлённо слушая всё это.

— Я не знаю... Вам не кажется, что вы немного перегибаете? Среди “недостающих” частей бедной девятнадцатилетней Джейн так же и ноги, руки... голова, прости Господи! Когда тело жертвы пережило нечто такое... я не знаю, Куп, ясное дело мы не соберём её тело по кусочкам, и, вероятно, не сможем даже определить по останкам раздробленного скелета, какими именно костями они когда-то были... Выплюнув всё это, юноша откинулся назад и отхлебнул немного кофе из чашки прежде, чем продолжить. — Твоё положение сейчас, Купер... слишком шаткое, чтобы допускать ошибки. — Поверь, всё это не вернёт усопшую к жизни, даже если окажется правдой. А вот в случае иного исхода... Ещё одна тяжёлая пауза повисла в разряженном воздухе, буквально накаляя его до конечного предела.

— Или что?! Чуть ли не взревел Купер. — Конечно, несколько ложных обвинений за чёрт возьми, несколько десятков лет службы, а также моих, как многие любят говорить, “извращённых” методов достаточно, чтобы уволить меня за ещё одну ошибку!? Когда этот маньяк пережет вам половину Грей-Харбора не говорите, что я вам не говорил! Пригрозил пальцем раздражённый офицер.

— Ну хватит! Стукнул по столу Томми. — Все знают, что дело не только в ваших методах и догадках, а в том, что вы... что вы... Вовремя прикусил язык Томми.

— Ну скажи! Скажи! Кто я? А?! Мелкий засранец!

— Простите. Опустился обратно в кресло юноша. Мы сделаем всё возможное.

На минуту за столом повисла неловкая тишина, прерываемая методичными сигаретными затяжками Купера.

— Томми...прости. Прервал молчание Купер. Мне не стоило повышать голос. Может ты и прав. Я более чем уверен, что следствие не найдёт никаких улик. Раздосадовано крутил в руках огниво почти что пожилой мужчина. — Просто, кроме этой работы... у меня больше ничего нет. Понимаешь? Он поднял глаза, и Томми разглядел в них какую-то вселенскую тоску. — Есть только Шериф Купер, и больше никого.

— Знаешь, Купер... это неправда. Отозвался ему лучезарной улыбкой юноша. — Можно сказать, что вы - член моей семьи. Без толики смущения высказался ему парень. — Не в обиду моему старику, конечно... но признаться, вы более значимая мужская фигура в моей жизни. Почему бы нам не выпить немного пивка сегодня вечером? Как в старые времена? А? Вдохновлённо зашебетал юноша.

— Ха! Не дорос ты ещё до пива, желторотик. Ну... я думаю сегодня можно. Поддержал его инициативу Купер.

После недолгих размышлений было решено посетить без малого единственный бар с хоть сколько-то достойным потоком и обслуживанием во всём Грей-Харборе. Таким местом был бесспорно “The Drowned Man” — полностью выполненный в морском, можно даже сказать в нарочито дерзком пиратском стиле бар. Вот отличное пристанище на ночь для двух одиноких волков, которым больше некуда податься, как и десяткам другим таким же. Однако, время было всего в районе шести вечера. Минимум два, а то и три часа еще предстояло как-то убить. Сейчас идти туда было не только бессмысленно, но и даже рановато для сотрудников полиции.

— Раз уж мы ещё здесь, Томми, почему бы нам чуть обширнее не опросить свидетелей? Вызови нам еще несколько ребят на подмогу, походим по окрестностям Элм-стрит и Ривер-роуд, опросим парочку ребят, того и гляди найдём какие-то детали.

— Ну если делать сегодня больше нечего, почему бы и нет, Куп. Справедливо рассудил молодой помощник.

Двадцать минут, и ещё трое рядовых служащих уже были на местах. Небольшая улица, вдоль которой и произошла авария была разделена между ними на четыре части. Работёнка не пыльная и займёт едва ли больше одного часа.

Купер и Томми взяли на себя эту небольшую часть Ривер-роуд. Старик Ларри со своими официантками, находящимися сегодня на смене, ничего не видели, но пенсионер дружелюбно оставил номер девушки, что вчера стояла за кассой. Томми набрал ей, но результат закономерно никакой. Придорожная закусочная закрывается намного раньше предполагаемого времени аварии. Что дальше? Бабуля Бейкер, которая ничего не слышала, и ничего не видела в силу возраста. Несколько прохожих зевак прибежавшие на место уже после происшествия.

Но одно место, всё-таки вызвало на себя небывалый интерес пожилого следователя. Местная кукольная лавка, с чудаковатым парнишкой в лице управленца. Кажется, добротная половина района порекомендовали уточнить именно у него. Конечно, юнец жил вольной птицей за рамками всяких графиков. Не редко работал ночами, а просыпался с вечерними лучами. Чем не идеальный свидетель? Более того, Куперу, признаться, всегда хотелось побывать в этой лавке. Но подходящего повода никогда не случалось. Он и не надеялся найти никаких улик по делу именно у него. Это был очередной странный, понятный только самому Шерифу Куперу, его личный интерес. В сущности, такой же, что заставил его этим утром открыто любоваться трупами.

Деревянная дверь скрипнула, и полицейские вошли внутрь. Старик Купер, по всей видимости, не спешил встречаться с хозяином. Он смотрел, смотрел на множество красивых кукол в главном зале “Adam’s Dolls”. Мужчина словно попал в восковое царство, казалось, он был перенесён в иное измерение с застывшим временем. Приятная атмосфера с приглушённым тёплым светом... ароматические благовония, которыми здесь пахло, нагромождение из всевозможных кукол, смешение различных форм и размеров, стилистик и методов сборки, временной размах кукол из совершенно разных эпох... всё это превращало главную залу кукольной лавки в настоящий, изменяющийся в реальном времени Арт-объект. Словно в сказке.

— Чёрт! Это красиво! Как же это прекрасно! Восхищался про себя взрослый мужчина, словно на секунду впавший обратно в детство. Купера, казалось, интересовал весь процесс создания от начала и до конца. С каким скрупулёзным вниманием он рассматривал некоторых кукол.

Больше всего ему понравилась одна девушка-кукла, расположенная в самом центре помещения. Бесспорно, это была одна из лучших работ Адама. Одна из немногих выполненная в человеческий рост, и обладающая пропорциями и внешностью, чуть более идеализированными, чем реальные девушки. Но всё-таки лишь на чуть-чуть, грань между её исполнением, и чистым реализмом была настолько хрупка, что эти изменения не бросались в глаза, и были не очевидны. Они были подобны... базовому женскому макияжу, который никогда не бросается в глаза, но на уровне подсознательного восприятия добавляет пару пунктов к внешности. Это была кукла девушки метр пятьдесят ростом, с шелковистыми вьющимися рыжими волосами бережливо заплетёнными в две длинные-длинные объёмные косички. Её добрые голубые глаза – по-детски большие и широко открытые, переливались красивым аквамариновым отливом. И эти блики в них, чуть более яркие, чем у настоящих девушек – были одними из тех незначительных изменений, похожих на женский макияж. Лицо обрамляла немного нарочито небрежная чёлка, плавно перетекающая в штормку, скрывающую довольно большой лоб. Она была одета в пышное чёрное платье с рюшами, а в руках держала выполненную из настоящего плюша игрушку акулы. Девушка выглядела как настоящая, но от неё веяло какой-то сказочностью, словно она родом из какого-нибудь чудного Зазеркалья.

Купер был в восторге от ошеломительной проработанности деталей: от каждой поры на её лице до удивлённого выражения в её мимике, которое словно удивлялось тому, что люди смотрят прямо на неё... Это было чудесно. А её волосы – были не просто похожи, нет, они были не отличимы от настоящих. Купер провёл по ним рукой, стараясь понять из чего же они сделаны. Неужели настоящие?

— Это обработанный мохер. Поразительно, да? Внезапно прервал его размышления голос позади. Присевший на корточки Купер, чуть ли не подскочил от внезапного комментария. Он медленно поднялся, и повернувшись в пол-оборота обратил свой взгляд на юношу, стоявшего за стойкой. Их взгляды впервые встретились в этой наполненной летающими хлопьями пыли комнатухе, а судьбы в этот момент намертво переплелись.

Момент немого зрительного контакта продлился не дольше мгновения, но в груди Адама что-то больно щёлкнуло, когда он увидел, что обратился к человеку в полицейской форме. Длинное коричневое пальто скрывало её, пока тот сидел на корточках будучи во власти куклы.

— Дышать. Кажется, я забыл, как дышать автоматически! Подумал про себя Адам, осознав, что, кажется, ему не хватает воздуха. Шериф Полиции тем временем приблизился к кассовой стойке, поравнявшись с застигнутым врасплох кукольником.

— Ух, ты! Здорово! Едва скрывая восхищение на грани с фанатичностью, пролепетал Купер. — Мистер, Адам, правильно? Вы в одиночку создаёте всех этих... кукол? На последнем издыхании проглотил он фразу “чудесных”, стараясь хоть немного сохранить лицо перед своим молодым напарником. — Даже не верится, что юноша одного возраста с моим балбесом способен на нечто подобное! Радужно рассмеялся Купер, указывая на стоящего рядом Томми.

Адам, дважды скрученный от неожиданности едва ли, нашёлся что ответить. В его измученной последними событиями голове были лишь свои собственные вопросы, поэтому отвечать на чьи-то он был не в состоянии.

— Неужели они всё знают?! Нет. Тогда к чему весь этот спектакль? Думал юноша. Адам был напуган, и пусть любой другой человек сказал бы, что он просто удивлён внезапным визитом людей в форме, от хладнокровного внимания Старика Купера эта деталь не могла уйти незамеченной. Если бы это была настоящая шахматная партия между Адамом и Купером, то это даже не шах, и даже не позиционное преимущество. Но это однозначно была бы полная моральная доминация одного оппонента над другим. Подобно игре юного дарования с установившимся гроссмейстером. Адам ошибается. Ошибается не способностью вымолвить и слова, ошибается чрезмерной потливостью и дрожью во всём теле. Ещё немного, и он выдаст сам себя. Стоило ему только увидеть Купера, ему сразу же захотелось броситься к нему на шею, с признаниями в содеянном лишь только для того, чтобы сбросить с себя наконец этот груз эмоционального напряжения.

— А...да. Вас заинтересовала Элизабет? Или вы хотите куклу на заказ? Ответил наконец-то вернувшийся в реальность Адам.

— О, нет, нет мы тут по другой причине, мистер Адам. Понимаете, на кануне ночью кое-что произошло..., и мы опрашиваем возможных свидетелей.

В груди у Адама болезненно застучало. Но виду он не подал.

— Вы о той чудовищной аварии, произошедшей недавно? Я был в мастерской, работал. А что случилось? Отчеканил юноша по ранее заготовленному ответу.

— Шериф Купер. Внезапно протянул ему руку следователь через прилавок, пристально разглядывая полностью облачённого в рабочую робу парня.

Туше! Это был сокрушительный выпад. На миг реальность перед глазами Адама сузилась до одной единственной точки, расположенной в самом центре протянутой ему ладони.

— Адам Уильямс. Пожал растерявшийся юноша его руку, не снимая рабочих перчаток. Взгляды обоих участников были устремлены к рукам друг друга.

— Хо-Хо-Хо. Насколько мог добродушно рассмеялся Купер. — Моветон, мистер Адам, моветон! А я в этом деле знаете-ли висьма дотошен. Ещё мгновение, и здоровенная ладонь вновь тянется к Адаму, будто готовая прихлопнуть его. На этом моменте последнего уже явно потряхивало. Ему хотелось отказать жать руку вновь. Сказать ему что перчатка чистая? Что угодно! Нет! Он не мог не повиноваться.

— Ох, прошу прощения. Выдал уже взмокший Адам, как можно естественнее снимая перчатку. — Видимо, проф-деформация, не иначе... Я уже словно сросся с перчатками. Адам снял её. Снял перчатку, и протянул свою тонкую женственную ручку в чудовищных размеров лапу Купера. Последний схватился за неё, из последних сил сдерживаясь, чтобы не расплющить её перемолов все косточки. Он с первого взгляда возненавидел Адама. Он увидел бинты, и тут же почувствовал их слоистую структуру.

— Поранились? Одним единственным логичным вопросом продолжал избиение следователь. Адам был готов расплакаться.

— Да. Обжёгся. На днях. Работа всё-таки специфическая... Будучи на грани того, чтобы признаться во всём, и при этом продолжая отмахиваться, отвечал напуганный до смерти юноша. — Вот и всё. Мат. Уже признал поражение в душе парень. Но ничего не произошло. Повисла неприятно долгая пауза, в звуках которой слышался только свист дыхания трёх мужчин.

— Понятно. Будьте осторожнее, мистер Адам. Разряжая обстановку, внезапно ответил подавляющий в себе ликование Купер. — Лениво опрашиваем людей, простая бюрократия не более. — Но раз уж вы ничего не видели... Не будете ли вы так любезны, кстати, немного побеседовать со мной о куклах? Дело в том, позволю себе немного откровенности, с детства мечтал о творческой профессии. Чрезмерно широкой улыбкой одарил творца полицейский. — Обожаю рисовать. Мечтал о работе художника или архитектора...

— И хорошо получалось? Слегка показав голову из скорлупы, поинтересовался парень, немного отойдя от шока.

— Ну... как вам сказать... Протянул полицейский. — Времена совсем другие были. — Признаться, не было денег даже на качественные карандаши, не то, что на что-то большее. С грустью в глазах добавил Купер. — Да и отец был против, сказал не мужское это дело. Вот так я и стал полицейским! Очевидно, натянуто засмеялся мужчина. — Хотя, признаться, маме нравились мои рисунки... - Считаю, что у тебя получилось воплотить мои мечты в реальность. Завидую тебе, юнец. Говоря эту фразу, старик ощутил словно что-то глубоко внутри него оборвалось.

— Поверьте, никогда не поздно для творчества. Искренне поддержал его Адам.

— Ай, ладно. Махнул рукой мужчина. — Поздновато уже. Ни таланта, ни условий... Поверьте, рождённый бегать — летать не сможет! Глядя юноши прямо в глаза многозначительно выдал Купер. Наверное, впервые Адаму захотелось поспорить, однако, по очевидным причинам делать этого сейчас он не осмелился. — Мы, наверное, пойдём. Скажите мне Адам, осуществив мою мечту, почувствуете ли вы себя счастливым? На прощанье задал вопрос инспектор.

— По моему мнению, в искусстве, как и в счастье — нет конечной точки. Это каждый раз попытка прыгнуть выше головы, где каждый раз ты стараешься прыгнуть лучше предыдущего. Знаете, Купер, я считаю, что лучше прыгать вновь и вновь, чем стоять на месте. Поэтому советую вам хотя бы попробовать... Не выдержал наконец Адам.

— Что же, спасибо за пищу для ума мистер Адам. Сдаётся мне, даже старику вроде меня есть чему у вас поучиться. Я как-нибудь ещё зайду посмотреть на кукол. Мило улыбнулся ему на прощание офицер.

— Конечно. До свидания, Шериф. Бросил Адам в след удаляющейся в городской дымке фигуре.

Что же это было? Какую игру вёл Купер против своего фантомного некрофила?

Интерес вызвал не столько сам допрос, сколько его метод в исполнении офицера Купера и его подчинённых. При каждом допросе, они обязательно пожимали руку каждому человеку в закрытой одежде. Если его безумная теория верна, то преступник, если он не чёртов волшебник, должен был не слабо обгореть, вытаскивая из машины останки покойной Джейн. И

если так выйдет, что он каким-то чудесным образом пересечётся с выдуманным некрофилом, последнему придётся снять перчатку и оголить кожу. Ведь пожимать оголённую руку, не снимая перчаток – не принято. Тут-то они его и схватят.

Купер и Томми не стали официально объявлять о некрофиле, и усложнять откровенно простое дело. Старик не мог себе этого позволить. Всего один ложно обвиненный человек с его стороны, одна промашка, и его пнут с полицейского департамента с концами. Грей Харбор не прощает прошлых ошибок, а Купер уже наделал их слишком много.

— Послушайте, парни. Обращайте внимание на лицо, шею, и главное руки опрашиваемых. Ищите людей с ожогами, бинтами или тех, кто отказывается снимать перчатку или жать вам руку! Не задерживать ни в коем случае! По окончании – списки мне на стол. Отрапортовал офицер перед началом удачно окончившейся операции.

Адам остался стоять в режущей уши тишине собственной мастерской. Он посмотрел на свои руки – их одолел тремор. Вдох-выдох. Юноша старался впустить в себя как можно большее количество воздуха, чтобы успокоиться. Бесполезно. Парень полностью отдавал себе отчёт в плачевности своего состояния. Он проиграл. И спасти его могло только какое-то чудо, не иначе.

Его трясло от переполняемой его чёрной злобы. Он цыкнул языком, и вернулся в помещение со злосчастной холодильной камерой.

— Сука!! Подав раздосадованный вскрик, юноша со всей силы ударил по столу забинтованным кулаком, от чего спящая на нём Ника аж подскочила. – Чёртов Старик, какого хера тебе надо?! Он причитал, периодически постанывая, и разбрасывая предметы от негодования. – Я же никого не убил! Да и какое ему дело до моих дел?! Истерика перерастала в нервный психоз. Руки под его бинтами зачесались, и Адам принялся агрессивно расчёсывать их ногтями. – Сука! Я клянусь, я убью тебя, Купер! Я вытащу твои кишки через твою самодовольную пасть! Гнида! Тварь!

Чем больше юноша накручивал себя, тем хуже становилось его состояние. Выплёскивая в воздух все эти самонадеянные желчные высказывания, он перестал чувствовать себя Творцом, на его место словно пришёл обиженный на весь мир, жалкий Монстр, которого только что ткнули носом в его собственное дерьмо. Чувство беспомощности и слабости не физической, а духовной – вот что кукольник ненавидел больше всего на свете. Прожигающее всё внутри него чувство несправедливости одолело Адама, поставив его на колени. Казалось, все мышцы в его хрупкой тушке напряглись, готовые вот-вот взорваться. Его трясло и плющило от внутреннего перенапряжения, от того, как Купер одним своим видом заставил его испустить дух, и с какой лёгкостью и грацией полицейский в последствии одолел его.

Адам не придумал ничего лучше, чем дождаться ночи и избавиться от всех конечностей. Снова. Юноша подумал, что лучше уж он поторопится с выводами, но хотя бы спасётся сам. Шериф был для него угрозой, и юноша чувствовал исходящую от него опасность на каком-то животном, подсознательном уровне. Парень не отказался от своей идеи, иногда просто нужно сделать два шага назад, чтобы затем совершить стремительный рывок вперёд. В таком деле кукольнику необходима скрытность, и холодный расчёт. На одном лишь везении долго ему не продержаться.

Тем же временем, Купер и Томми уже в штатском сидели в баре “The drowned man”, заказывая уже по второй кружке пива. Купер просто снял свою форму, оставшись в брюках, галстуке и рубашке. А вот Томми себе не изменил.

— Чего вырядился-то? Засмеялся офицер. – Как на праздник.

— Девчонок буду цеплять. Подмигнул ему светловолосый парнишка в гавайской рубашке и широких бежевых брюках, выставив пальцы пистолетиком. – Да и вам советуую заняться

тем же. Попытался оторвать уставившегося в отчеты начальника Томми. Последний же лишь выкрутился из-под цепкой хватки своего напарника, подкурил сигарету, и с гордым видом заявил следующее...

— Я почти уверен, что мы схватили за задницу того, кого нужно. В списке добротная десятка имён... но они мне даже ни к чему.

— И о ком же ты говоришь, Куп? Не уж-то об Адаме? Усмехнулся Томми.

— Конечно. Со всей серьёзностью заявил полицейский, заказывая себе очередной стакан пенного.

— Я даже не знаю с чего бы начать... Ответил ему ошеломлённый Томми. — Может быть отложим это на завтра, а сами переместимся поближе к барной стойке?

Отдельно заслуживал внимания антураж заведения, в котором происходил этот разговор. Прийти в “The drowned man”, чтобы забиться в самый дальний столик – без преувеличения чудовищное упущение. Это был не просто “популярный” бар, а в некотором смысле, полноценное воплощение ночной жизни города. Должно быть, это было единственное место во всём Грей-Харборе, которое не только смогло пережить кризис, но даже в некотором смысле обернуло его в свою пользу. Открывшись совсем маленьким пабом в те забытые времена, когда город еще дышал полной грудью, сейчас это было самое финансово успешное заведение города. Безусловно, это всё благодаря тонко-выдержанной атмосфере, которое завлекало в свои сети людей совершенно разных поколений.

Не было громко-мигающего света, и новомодной музыки. Зато был искусственный туман, и приглушённая, немного отдающая загадочным зеленоватым отливом цветовая палитра. Это был, словно воплощённый в реальность Корабль Призрак. Молодые обожали это место за атмосферу тайн и загадок, большинство подростков на постоянной основе приходили сюда в карнавальных костюмах, и ярком макияже, похожих на те, которые в повседневной жизни удаётся надеть лишь в День Всех Святых. Тут они могли носить такое хоть каждую ночь, не боясь не вписаться. А более зрелому поколению нравилось внимание к историческим деталям, радушный коллектив, и бюджетные цены на некоторые позиции. А что ещё нужно уставшим в конце дня работягам, как не длинная барная стойка, за которой прелестная девчонка-бармен с ярким макияжем пирата-призрака, предложит вам холодного эля прямо из дубовой бочки?

— Бутылку “Серого Савана”. Попросил Купер, когда полицейский дуэт всё-таки переместился за барную стойку. В скором времени подле него оказался сосуд с мутноватой жидкостью, миска со льдом, и шестигранный стакан. Мужчина откупорил бутылку, и заполнил содержимое стакана, в который предварительно бросил несколько кубиков льда примерно до середины. Над стаканом поднялась могильная туманная дымка. Шериф отхлебнул, и вращая стакан в руках, будто залип на какое-то время. Томми пытался составить ему компанию, повеселиться сам он мог в любое другое время, а вот провести время с другом... тем более в такую дату.

— Налей-ка и мне, старина. Протянул он второй стакан Куперу. — Прошло уже целых десять лет... с ума сойти можно как время летит! Выдохнул парень, потягивая загадочную настойку.

— Десять лет с чего?! Внезапно опомнился офицер.

— С того момента, как вы определили вектор развития моей жизни, сэр. Ровно десять лет назад, старик, ты пришёл к нам в школу, чтобы рассказать о важности работы полицейского. Тогда ты показался мне таким крутым!

— Что?! Рассмеялся Купер. И мы это празднуем?! С каких пор? Ох и докучал же ты мне в те годы... Уже порядком захмелевший Коп отвёл взгляд куда-то в сторону стараясь скрыть слёзы.

— То, что вы сказали Адаму... ну на счёт своего детства...это правда? Купер, ожидавший в тот вечер этот неприятный вопрос, выждав паузу ответил, но из-за его захмелевшего состояния прозвучало это крайне неправдоподобно.

— Конечно нет! Нужно было отвлечь этого прохвоста от истинной цели нашего визита только и всего.

— Вот, как... Ответил ему Томми, оставивший попытки влезть к Куперу в душу. Томми понимал, пройди хоть десять, хоть тридцать лет, для Купера он так и останется назойливым юнцом из средней школы.

— Так значит ты не веришь мне? Вернулся к уже изъезженной теме Шериф, спустя какое-то время попойки. Трудно было представить происходящее в его голове. Особенно под градусом креплённых напитков.

— Купер... Пытался говорить спокойно Томми. — Мы даже не знаем точно ли существует некрофил, а ты уже готов наброситься на первого попавшегося человека с обвинениями? Не через чур ли это поспешно? Томми старался выступить в этом вопросе голосом разума. — Какие у тебя улики, кроме косвенных? А превращать случайную и довольно узкую выборку свидетелей в обвиняемых только из-за интуиции... Вам нужно расслабиться, Шериф. Взять небольшой отпуск, наладить семейную жизнь...

— Заткнись, Томми! Грубо прервал его осмелевший от градуса мужчина. — Ты не можешь критиковать мои методы! Я никому не позволю себя контролировать! Внезапно взорвался Купер. Для Томми, знающего о Купере почти всё, было очевидно, к чему всё это идёт.

— Ты не можешь контролировать всех, Купер. В подобной системе, ты или приспосабливаешься, или вылетаешь. Купер лишь нервно хмыкнул. — Шериф, я учился с Адамом в одном классе в начальной школе. Мы не дружили... но мне не кажется, что он способен на нечто подобное. Он со странностями, как и все люди искусства...но не более этого. Он скорее мечтательный романтик... Купер болезненно ухмыльнулся.

— Кто же тогда я, в твоём наивном мировоззрении, мальчик мой?! — ты наивен. В твоей призме, все всегда хорошие, пока не доказали обратного. Это просто глупость. С ехидной улыбкой заключил Купер, чьи чувства явно были чем-то задеты.

— Что же, вы правы. Но к данному кейсу отношения это не имеет никакого. Дело ваше, Купер. Можете раздуть это дело только чтобы потешить своё уязвлённое эго, но, когда завтра домой к бедному кукольнику придут с обыском и ничего там не обнаружат — не говорите, что я вас не предупреждал! Для обвинений сначала нужны хоть какие-то вещественные улики, которых у тебя увы нет. — Ты сходишь с ума, Купер. — Нет у него никакого тела. И завтра ты в этом убедишься. Ты просто решил наброситься на человека, судьбе которого ты завидуешь. Мне кажется так. С грустью в голосе ответил Томми. Было видно, с какой трудностью в голосе даются ему слова. После этого он оставил своего напарника сидеть в одиночестве за барной стойкой, а сам удалился к более соответствующей его возрасту компании. Признаться, он тоже не думал, что работа полицейского окажется такой бюрократичной, коррумпированной, и попросту скучной. В какой-то степени он мог понять чувства Купера, но принять такой сумбурный поток доводов он был не в силах.

Старый Шериф тем временем продолжал упиваться в одиночестве. Одного встречного взгляда с кукольником хватило, чтобы Куперу захотелось собственными руками придушить его. Да... он завидовал ему чёрной завистью. Почему с рождения одним и условия, и талант, а другим ничего? Купер думал, что его место — было определено за ним прямо с рождения, как и место кукольника. Строгий отец, воспитанный военным временем. Громоздкое телосложение здоровенной каланчи прямо с юных лет, отсутствие таланта настолько сильное, что кажется своего непреодолимого потолка в рисовании он достиг уже через пятнадцать минут, как взял карандаш в руки! Это просто не справедливо. Пока одни могли учиться по анатомическим учебникам, работать с наставниками, и использовать лучшие материалы... Куперу оставалось

лишь малевать каракули тупым карандашом в тетрадке! Физический труд, армия, затем полицейская академия и до поры блестящая карьера в полиции... вот и вся его жизнь. Да, он ненавидел Адама. Это была глубокая личностная неприязнь, совершенно естественная в любом человеческом обществе. Но Купер чувствовал, во взгляде и повадках Адама, что последнему есть что скрывать. И он не мог, не мог ничем это подтвердить, кроме своей собственной интуиции.

Мужчина вылакал одну бутылку, и сразу попросил следующую. Если бы жизнь не была таким дерьмом... люди бы не ломались с таким стремлением и усердием, чтобы убежать от неё в воображаемые миры кто как может.

— Ну разумеется, к завтрашнему дню он уже избавится от тела. Думал следовательно. Вероятно, той ночью выкрал и надругался, а в эту, просто выбросит в реку или прикопает где-нибудь. Стоило установить круглосуточное наблюдение за этой лавкой сразу после того, как мы ушли. Если эта сволочь так испугалась от одного только рукопожатия, не думаю, что он пренебрежёт своей безопасностью.

Чем дольше Купер размышлял, тем сильнее ему хотелось собственноручно разрушить жизнь кукольника. Готов ли он пойти ва-банк? Обычно, Купер расчётливый и чуткий стратег, но под воздействием большого количества алкоголя некоторые люди меняются. Начинают свистеть. Превращаются в настоящих чудовищ. Всё или ничего. Незаметно от своего напарника, вместе с полупустой бутылкой джина, мужчина растворился в ночи на своём стареньком авто.

Это произошло, прямо перед тем моментом, когда Адам уже собирался избавиться от частей тел. Он специально выждал глубокой ночи, и осмотрел окрестности из окна на предмет слежки. Он готов был поклясться, что никого не видел. Замороженные части тел, которые накануне были бережно упакованы в герметичную плёнку, Адам уложил в громоздкую сумку. Аккуратный торс хрупкой девушки, и две кисти – всё это не могло занимать много места. Было решено просто выбросить всё это в реку, сильное течение возьмёт на себя всю последующую транспортировку, и утилизацию.

Не успел Адам выйти через чёрный ход, в маленьком переулке из двух домов, его уже поджидал штабной офицер в гражданском. Юноша едва успел заметить внезапный выпад в его сторону. Раздался звук битого стекла. Бутылка из толстого стекла в миг превратилась в розочку, а мир Адама наполовину окрасился в красный из-за рассечённой этим ударом брови. Юноша закричал, и почти сразу же жалобно заскулил, держась обеими руками за лицо. Это зрелище волной радости захлестнуло Купера. Ему безумно нравилось это чувство тотальной доминации. Только он, и человек, по его мнению, мешающий ему нормально жить. Никаких законов, прав и волокиты с бумажками. Только он здесь главный, только он уполномочен принимать решения. Кажется, это чувство было знакомо ему и раньше... Когда же он испытал его впервые...?

— Я не понимаю? За что?! Причитал лежащий на земле Адам. Купер ответил лишь знакомым добродушным смехом. Затем он поднял его за шею, и с силой прижал к стене на уровне своих глаз. Адаму оставалось лишь хрипеть, и жалко сучить висящими в воздухе ногами.

— Вот ты и попалась, педота! Рассмеялся Купер, сдавливая его шею всё сильнее. Огромный бугай напился настолько, что едва мог вязать несколько слов. — Где тела, хуев извращенец? Спросил он, сразу после того, как с силой швырнул юнца о стоящий рядом мусорный бак. С невероятной силой что-то закололо в спине. Адам жалобно вскрикнул, и тут же заплакал. Кукольник никогда не умел достойно держать удар, и тут же начинал визжать и плакать, словно слабая девчонка, как в школьные годы, так и в самом расцвете третьего десятка. А Куперу... мужу, что вырос в среде чистого насилия и физической доминации – очень нравилось подобное зрелище. Вернее... оно будоражило сразу несколько разных эмоций, которые в потоке бесконечного наложения и самоотражения, многократно усиливали друг друга. В первую очередь он

испытывал жгучую неприязнь, к объективно слабому человеку. Но также, испытывал и ощущение контроля и вседозволенности. Адам был для него всё равно что таракан, которого можно раздавить, утопить, или отравить, уничтожить его любым из сотней способов, выбирай любой.

— Ну?! Говори, шлюха! Где ты прячешь тела? Взревел мужчина, со всей силы ударив юношу в грудь. Адам сложился пополам, и в моменте ощутил, что не может выдохнуть накопившийся в лёгких воздух. Ответа от него никто не ждал, да и он сам бы ни за что не признался. На насилие в чистом виде, Адам хотел ответить тем же. Ему хотелось выпотрошить этого старика, проебавшего свою жизнь дегенерата. Но сделать этого, этот женственный на вид юноша просто не мог. В отношении этих двоих, содержание было порождением формы. Форма – была изначальностью содержания. Поэтому Адам не мог ударить. И по этой же причине Купер стоял здесь готовый убить его. Фигуры были определены и расставлены соответствующим образом, потому что таков был совершенно естественный ход событий.

Купер толкнул Адама ногой и тот повалился на землю. Полицейский как ни в чём не бывало прошёл мимо лежащей на земле сумки, продолжая толкать свою жертву ногой, каждый раз, когда юноша пытался встать с колен. Это было унижительно. Адаму, всему перепачканному в грязи, и с залитым кровью лицом, ничего не оставалось, кроме как ползти в противоположную сторону, продолжая жалобно всхлипывать.

— Ну же? Вставай, шлюха! Остановился вдруг Купер, широко расправив плечи в стороны. Возле стены стоял какой-то строительный мусор, Шериф схватил тонкую длинную трубу, более напоминающую металлический прут, и швырнул его Адаму под ноги.

— Поднимай. Агрессивным тоном скомандовал он. Юноша мялся в нерешительности. Ему хотелось этого. Безумно хотелось. Но чувство страха было куда сильнее его. – Поднимай! Ещё раз крикнул Купер. Тогда парень наконец послушался, и дрожащими руками поднял брошенный предмет.

Теперь он был вооружён. Адам и Купер вновь стояли друг на против друга, но уже в открытом противостоянии. Шериф выбросил разбитую бутылку, надеясь придать уверенности своему дрожащему оппоненту. Однако, всё это было без толку. Металлический вкус крови во рту, ритмичное стучание разогнанного адреналином сердца, кипящая внутри ненависть... однако ударить Адам по-прежнему не мог.

— А теперь выбрось. Принялся провоцировать его Купер. —Выбрасывай, сука! Или я затолкаю эту трубу тебе в глотку! Пригрозил мужчина, сделав агрессивный выпад вперёд. Юноша немедленно повиновался. Купер во всё горло засмеялся, и вновь приблизился к юноше в плотную. Убежать по понятной причине он всё равно не мог. Юноша оказался в полной власти во всю веселящегося старика. Купер не собирался успокаиваться. Он был из того числа людей, ценящих силу, которому дай только повод, и он доведёт экзекуцию до своего конца.

Купер подошёл, и ухватил перепуганного юношу за тонкое запястье. При желании, он мог переломить его одной рукой, но он придумал кое-что интереснее. Старик вынул наручники, и приковал одну из рук Адама, к металлическому ограждению у стены. Это была экзекуция в пьяном вихре чистейшей ненависти. Купер видел в этом насильственном акте всю прелесть жизни, которая сейчас была для него просто шуткой. Купер вырос такой же сволочью, каким был его отец. Даже хуже. В безмолвной тишине он избивал бедного юношу, с улыбкой наблюдая на его жалкие попытки выбраться. Лишь изредка он открывал рот, чтобы приказывать ему заткнуться. Адам рыдал, и вырывался, метался из стороны в сторону и бился в агонии от каждого удара. Это по-настоящему страшно. Когда тебе прилетает очередной болезненный до скрежета зубов удар, и ты кричишь, потому что больше не можешь этого выносить. А вместо отдушины, получаешь лишь очередную оплеуху в лицо. Чувство абсолютного унижения, словно ты всего лишь безвольный червь, словно предмет, который в основе своего бытия, не имея функции самопринадлежности, будучи всегда вынужденным принадлежать кому-то.

Через пять минут, Адам уже едва ли держался на ногах. Заплывший глаз, рассечённая бровь, кровоточащая губа и затылок. В голове стоял ужасный звон, а ощущение было такое, словно Адам был ужасно пьян. Он уже почти не сопротивлялся, лишь изредка постанывал, сглатывая очередную порцию крови. Впервые ему пришлось столкнуться с последствиями своих действий. Это не игра. Даже если он не убьёт ни одного человека, сама его инициатива преодолеть смерть и старение, используя множество разрозненных человеческих останков, — наказуема. Одна ошибка, и он может оказаться за решёткой или даже умереть по-настоящему.

Процесс расправы длился не долго, с момента их встречи прошло не более десяти минут. И, вероятно, там бы история кукольника и закончилась, если бы не вовремя подошедший Томми. Когда кукольник уже готов был потерять сознание, грозное туловище его палача, внезапно обмякло, и с грохотом повалилось куда-то на землю. Одним точным ударом рамы своего шестизарядного револьвера, Томми отключил своего обезумевшего начальника.

— Господи! Вскричал он, увидев окровавленную фигуру кукольника. Стоило ему отцепить руку юноши из металлического захвата наручников, как Адам в эту же секунду навалился на плечи своему спасителю.

— Спасибо! Спасибо! Плакал юноша на плечах у неплохо сложенного Томми. Адам, даже находясь в состоянии аффекта, понимал, насколько ситуация перевернулась в его пользу из-за необдуманного действия Шерифа. Если он и был под подозрением раньше, то после событий сегодняшней ночи, об этом он более мог не переживать. Ему даже не нужно было играть роль жертвы, так необходимое ему амплуа, с необычайной точностью попало в его личину. Маленький, хрупкий, похожий на девочку-подростка длинноволосый юноша, бедный романтик и человек искусства, перепуганный до чёртиков, трясся и плакал на плечах своего спасителя... никто, и никогда в жизни не обвинит его в злодеянии. Этот юноша — создатель и творец, а не какой-нибудь там низменный некрофил, или простой убийца.

В конце концов, Томми успокоил юношу. В его собственных интересах, было сделать всё, чтобы замять это происшествие не привлекая внимания. Купер был для него слишком дорогим наставником и другом, чтобы позволить ему вот так вот просто вылететь с работы. Страшно представить, что бы случилось с жизнью неуравновешенного старика, если бы правда вскрылась. Томми в тот вечер выложил Адаму все домыслы своего босса, касательно обнаруженных особенностей преступления, и внезапных подозрений.

Блондин был в явно шатком положении. Ему пришлось буквально вымаливать Адама не доносить на этот инцидент в полицию. Вновь положение на доске переменилось, и вот уже кукольник пытался найти самый лучший ход, из пула множества хороших. Первым делом он пригласил Томми на кружку чая. Теперь очевидно, что человек курирующий это дело — стоял прямо перед ним. И лучшего случая, чтобы избежать даже маловероятного официального обыска, чем сейчас, у него не было. Впустить врага на свою территорию, дать им иллюзию контроля — всё это было рискованно. Был страх, что в любой момент в помещение может влететь умалишённый Купер, и раскричаться об органах в той большой сумке, которая по-прежнему валялась возле задней двери. Однако, вероятность этого была крайне мала. Пусть доверчивый следователь воочию убедится, что Адам ничего не прячет в своей мастерской, после чего закроет это дело как несчастный случай и проваливает восвояси.

Игра стоила свеч. Получив гарантии того, что более его не потревожат, Адам начал обдумывать свой следующий возможный шаг. А именно, избавиться от частей, и сразу после этого пойти в полицию. Вождение в не трезвом виде, умышленные телесные, ложное обвинение — всего этого хватило бы не только чтобы Купера лишили значка... его бы просто закрыли. Вероятно, надолго. Но в конечном итоге, на этот шаг Адам не пошёл. Что ему жизнь этого маленького человека? Этим он добьётся только того, что его имя лишней раз будет фигурировать в материалах дела только и всего. На место одного прозорливого шерифа придёт новый. Сейчас, Купер едва ли осмелится подойти к кукольнику даже на пушечный выстрел. В процессе их

диалога, Томми поделился некоторыми сведениями и домыслами на тему поведения и дальнейшей судьбы офицера Купера. Одной кружкой чая и продемонстрированным пустым холодильником и кладовкой спустя, молодые люди разошлись, крепко пожав друг-другу руки.

— Ещё раз прости нас, Адам. В любом случае, я рад за тебя. Блестящий бизнес ты построил. Даже в школе, смотря на маленького тебя, сразу было видно твоё призвание! Дружелюбно отметил Томми.

— Конечно! Ответил ему Адам очаровательной улыбкой. – Да и ты вырос отличным полицейским.

Они окончательно распрощались. Томми поспешил отвезти шерифа в больницу. Рана хоть и не несла угрозы для его жизни, но всё-таки, требовала наложения нескольких швов. А Адам занёс сумку обратно, и поднялся к себе в комнату.

На против зеркала он рассматривал ущерб, который ему успел нанести неуравновешенный полицейский в пьяном делирии. Лицо было разбито, и уже успело распухнуть. А ведь и правда, с того самого момента, как он нашёл эти злосчастные кисти в подвале той школы, у него даже не было времени нормально полюбоваться на себя в зеркало. Вот пожалуйста – его эгоистичные желания обрели своё воплощение на его теле.

— Совсем не мило. Подумал Адам. И тут в нём снова столкнулись два, казалось бы, противоречивых чувства. С одной стороны, он был непременно, совершенно зол на произошедшие с ним события. Он ненавидел весь мир, который, по его мнению, старался убить его только за то, что он пытается воплотить желаемое.

— А ведь у меня нет иного выбора, разве нет? Я не выбирал того, что желаю. Как не выбирал и того, что просто сдохну, если не воплощу этот проект в жизнь! И весь мир был для него врагом в этот миг.

Эти жестокие, мрачные и плохие чувства в то же время, мирно уживались с какой-то почти праведной жалостью к себе. Он смотрел на рисунки Евы, представлял её образ в своей голове... И на душе становилось тепло, ведь всё это в конечной цели ради искусства и медицины, ради создания новой жизни, которой чужды будут страх смерти и ужасы увядания... ведь всё это – ради Любви. Адам лишь твёрже убеждался в намерениях закончить проект Ева любой ценой.

Простая на вид больничная палата. Запах свежих простыней, и больничной стерильности. Тело на одной из кроватей внезапно дёрнулось, когда на часах было уже время обеда. Это штабной офицер Купер, очнулся с дикой головной болью после произошедших накануне событий. Он ничего не помнил. Ни того, где оказался, ни как всё к этому пришло. Несколько секунд, он с блаженностью чистого сознания наблюдал на немного от желтевший потолок больничной палаты. Мгновение спустя, воспоминания вернулись, и мужчину скрутило в собственной койке от пугающего осознания. В миг ему захотелось провалиться сквозь землю.

— Это произошло уже в третий раз. С невероятной тяжестью на душе заключил Купер. Он встал, и подойдя к раковине, открыл кран и жадно принялся глотать воду, стараясь сбить сушняк. Умывшись, он посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него пялился уставший от жизни мужчина средних лет. Отёчное и небритое лицо, заплывшее морщинами, и какой-то грустный и раздражённый взгляд, словно оттеняющий все остальные черты лица. В этот момент, Купер готов был поклясться, что вместо себя видел в зеркале своего собственного отца. Быть может, он уже допил до чёртиков. Но если идеологически он уже давно копия своего отца, так почему бы загадочному туману Грей-Харбора не подшутить, и не дать ему еще и физическое воплощение того, кем он является? Купер удивлённо смотрел на себя в зеркало, словно со стороны, перед тем как сказать следующее:

— Дело тут ведь совсем не в кукольнике, и даже не в убийстве. Теперь я вижу, что тебе нет до этого совершенно никакого дела. Беседовал он со своим, но казавшимся ему чужим

отражением. – Посмотри, кем ты стал, Куп. У тебя не было того, чего ты хотел по-настоящему. И поэтому ты упорно старался проебать всё то небольшое, что всё-таки удалось заиметь. У тебя остался только Томми, и шаткая должность. Ты падаешь в бездну, и из-за своей ненависти теряешь всё.

Купер отошёл обратно на кровать, завершив этот странный монолог. Всё что он хотел, он уже услышал. С прикроватной тумбочки он взял мобильник, и набрал единственному избранному контакту оттуда.

— Томми. Я беру отпуск, накопленный за все годы службы. Мне нужно немного отдохнуть, и разобраться в чувствах и мотивации. Прости меня. Так жалобно, практически слёзно вымолвил эти слова одинокий мужчина. – Пока всё на тебе и инспекторе Бишопе. Не подведите Грей-Харбор так, как это несколько раз сделал я.

На этой же неделе, сразу после выписки из больницы, Купер приобрёл билеты в неизвестном направлении и покинул Грей-Харбор. Он решил последовать совету Адама, прислушаться наконец к советам Томми. Но в первую очередь он ехал на терапию, чтобы научиться контролировать гнев, и другие сильные эмоции. Кажется, в то утро, когда он садился на поезд, погода в Грей-Харборе впервые за долгое время была ясной как никогда. А дело о загадочной аварии на Элм-Стрит было закрыто, как простое, хоть и жуткое, дорожно-транспортное происшествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.